Тот, кому нельзя доверять

Евгений Валерьевич Максимов

SHOUT
SHARE
IT
WAKE

- Евгений Максимов
  - I. Эксперимент
  - II. Альянс

Евгений Максимов
Тот, кому нельзя доверять

I. Эксперимент

i

Телефон уныло заверещал, пытаясь привлечь к себе внимание. Ему, как и мне, наверняка хотелось поспать еще немного. Но желание подозвать к себе хозяина и получить законную долю ласки оказалось выше. Ему очень хотелось, чтобы моя рука нежно сжала его трубку и поднесла её к самым губам, чтобы прошептать несколько слов. В ответ он мог бы разразиться длинной тирадой, которая была бы, скорее всего бесполезной, но, так или иначе, он хотел сделать мне что-то приятное. А я не хочу вставать, мне так хочется еще немного понежиться в постели, нагретой моим телом. Ничего не могу с собой поделать и продолжаю лежать, даже не открывая глаз, не хочу знать который час, не хочу даже знать о том, день сейчас, или ночь. Ничего не хочу.

Телефон издал свой зов, не меньше десяти раз. И каждый раз его тоненький голосок раздавался всё тише и дальше от меня — я засыпал. Так и не дождавшись моей реакции, он замолчал, оборвав звонок на середине. Казалось, что кто-то злой подкрался к нему и зажал рот. Передо мной возник яркий образ телефона, а сзади него, из тени, выходит человек в черном плаще. В его левой руке сверкает острый кинжал, а в правой — кляп. Он затыкает телефону рот и начинает шептать что-то в трубку, телефон молча выслушивает, но не поддается внушению. Гордо приподняв трубку, он отвечает уверенным отказом. Всё его существо дрожит от страха, но он гордится своим поступком. Он точно знает, что поступил правильно. Возможно, это его единственный правильный поступок за всю жизнь. Возможно, теперь я буду ему доверять. А злодей, ухмыляясь, протягивает кинжал к проводу и одним точным ударом рассекает его на две половинки. Телефон вопит изо всех сил, он зовет меня, ему кажется, что я должен прийти на помощь.

Я изо всех сил рванулся вперед и проснулся. Вокруг было совершенно темно, где-то в этой темноте слышался унылый плач телефона, которого, заперли одного в темной страшной комнате. Пришлось все-таки подняться и на ощупь пройти по комнате под звуки, разлетающихся под ногами бутылок. Один раз я наступил прямо на бутылку и она покатилась под ногой, призывая меня упасть на пол. С трудом удержав равновесие, я двинулся дальше и, в конце концов, добрался до столика, на котором разместился

телефон. Он всё еще звал меня, но уже ни на что не надеялся — он просто по инерции повторял одно и то же.

Я решительно поднял трубку и несколько секунд вслушивался в шорохи, раздававшиеся в трубке. Где-то слышалась скрипучая музыка, иногда полностью заглушаемая шумами, а иногда вырывающуюся на передний фон жесткими гитарными риффами и звоном тарелок.

— Алло, — мой голос прозвучал вяло.

— Привет, приятель.

— Кто это? — спросил я, вспоминая, где я уже слышал этот мелодичный голос.

— Неважно. Мое имя тебе вряд ли что-нибудь скажет, хотя раньше мы были довольно хорошо знакомы.

— Раньше?

— Ну, до вчерашнего дня мы виделись едва ли не каждый день в течении недели.

— А что же было вчера? — вопрос, безусловно, глупый, но я действительно только сейчас осознал, что не помню того, что было вчера. Впрочем, я не помнил и все события предыдущей недели. Я вообще не был уверен в том, что мои воспоминания не устарели, как минимум на год. Всё, что я знал, казалось таким старым и ветхим, что вот-вот грозило рассыпаться на маленькие крупинки. Я не доверял этим воспоминаниям — они не несли мне ничего правдивого.

— Действие транквилизаторов, которые тебе вкололи, скоро закончится. Тогда ты, может быть, вспомнишь всё, что было. Всё, о чем ты не должен знать… Если окажешься достаточно сообразительным, то даже поймешь, что с этим делать. Но у тебя нет свободного времени, чтобы сидеть и восстанавливать память. Если ты начал что-либо делать — доводи это до конца. Если начал бежать — беги.

— Куда бежать? — я чуть не завыл от досады и непонимания.

— Тебе виднее, — как ни в чём не бывало, сказал собеседник, — я обещал помочь тебе — именно этим я и занимаюсь. Советую тебе думать, как можно скорее.

— А если я не поверю тебе?

— Тогда, — он замолчал и телефонная трубка начала плеваться визжащими звуками тяжелого рока, — тогда можешь сушить сухари. Тебя уже ищут и, думаю, они скоро догадаются где ты прячешься.

— Кто — они? — спросил я, но из трубки уже неслись короткие гудки.

Я медленно положил трубку на аппарат, который виновато молчал. Он не мог мне помочь, как не мог удержать на связи

моего собеседника. Спать мне уже совершенно не хотелось. Я задумчиво оглядел комнату и не увидел ничего кроме меча, висящего на противоположной стене. Его тусклый блеск казался единственным, что существовало в моей квартире — в моей маленькой вселенной.

За окном раздался визг шин по асфальту — у подъезда остановилась машина.

Может быть это за мной?

Впрочем, если я буду так думать, то скоро стану параноиком. Я никогда никому не доверял, но не доверять самому себе — это чересчур даже для меня. Хотя кому теперь доверять? Если мои воспоминания действительно устарели настолько, что в них не осталось ничего, что могло бы помочь мне сейчас, то, как я могу доверять себе?

Я подошёл к двери на балкон и бесшумно открыл её. Ужасно холодный зимний воздух ворвался в квартиру, заставив меня поежиться. Пришлось натянуть на себя одежду перед тем, как выйти на улицу, под небо заполненное миллионами звезд. Погода была тихой и безветренной. Это действовало на меня успокаивающе, я уже не мог поверить, что в такую ночь могут быть неприятности. Мне захотелось вернуться в тепло, забраться под одеяло и заснуть до утра и всё забыть. А если забыть не удастся, то посмеяться над глупыми ночными страхами.

Мои раздумья были потревожены громким шумом — кто-то начал стучать во входную дверь. Я был к этому готов настолько, что даже бровью не повёл. Нужно открыть, иначе дверь просто вышибут. Хотя, какая мне разница? Пускай… Мне пора бежать. Я перепрыгнул через перила балкона и стал спускаться вниз по пожарной лестнице. Руки начали замерзать, держаться становилось всё труднее. Удары сверху повторялись на удивление периодично, как если бы там работали не люди, а роботы. И что-то подсказывало мне, что я недалёк от истины. Неожиданно удары на некоторое время прекратились, потом послышался ужасный грохот: дверь вышибли. Я поднял голову и увидел на своём балконе чью-то фигуру в черной одежде. Лицо было скрыто тьмой.

Я перевел взгляд вниз. Высоко! Еще только третий этаж, а времени на такой медленный спуск уже нет. Пришлось отпустить руки и легко оттолкнуться от лестницы. Во время падения в голове не было ни одной мысли, потом в ноги ударила резкая неприятная боль. Я завалился на землю всем телом, но тут же поднялся и быстро пошёл прочь от дома.

Далеко я, разумеется, не ушел. За спиной послышалась громкая поступь. Я попытался побежать, но ушибленные ноги

отказывались слушаться команд. Потом мне в спину ударили ногой и я упал на асфальт, не успев даже выставить руки перед собой. Теперь у меня болело всё тело, из носа потекла кровь. Мне показалась, что я пролежал так вечность, перед тем, как сильная рука рывком подняла меня и поставила на ноги. Я впервые увидел лицо своего преследователя. Оно было больше похоже на маску и не выражало абсолютно никаких чувств. Его глаза изучали мое лицо несколько секунд, потом он обыскал мои карманы и ничего не найдя, отпустил. Я тут же воспользовался кажущейся свободой и изо всех сил ударил ему коленкой в пах, но он даже не шелохнулся. Лишь на лице появилась бессмысленная улыбка. Настоящий мазохист! Он что-то извлек из кармана и, стащив с меня куртку, начал закатывать рукав на рубашке. Я смотрел на всё это, как на кино — он оголил мою руку до плеча, согнул её в локте и поднес к ней шприц. Так вот что таилось у него в кармане. Я перевёл глаза на его лицо, ожидая того момента, когда холодная игла вонзится в мою плоть и наполнит её наркотиком. Но ничего не происходило. Его взгляд вдруг стал ещё более тупым, чем раньше, хотя это и казалось мне невозможным. Глаза, казалось, превратились в две стекляшки, или ледышки — в них не было ничего человеческого.

И тут он начал на меня заваливаться, я выхватил из его рук шприц и отпрыгнул в сторону. Он шумно упал на асфальт и замер. Тело начало быстро превращаться в прах, но в свете уличного фонаря, я успел заметить на его затылке маленькую дырочку, из которой вытекло несколько капель жидкости темного цвета. Видимо кто-то мне помогает. Я вспомнил про телефонный звонок. Интересно кто же он такой и почему спасает меня?

Я надел свою курточку и аккуратно положил шприц в карман — может понадобиться.

Теперь пора убегать, иначе скоро сюда прибежит еще десяток таких же убийц. Или снова вернется он. От этой мысли мне стало плохо, я не хотел бы ещё раз увидеть эти глаза.

Я, как можно быстрее пошёл к проспекту — там можно будет словить такси. Выйдя на ярко освещенную улочку, я остановился, отряхнул одежду и стёр с лица кровь. Вот теперь я вполне готов встретиться с людьми. Теперь никто не догадается, что я знаю ту тайну, которую от меня всегда пытались скрыть. Они не доверяли мне, а я не буду доверять им…

Ко мне вдруг пришло понимание того, что память вернулась. Все события последних дней воскресли в памяти и были столь мрачны, что мне захотелось их поскорее забыть. Наркотик в отобранном шприце, пожалуй, мог бы мне помочь. Но только временно, а это мне не подходит. Проблему нужно решать

глобально, а не убегать от неё. Убегать нужно от тех, кто не даёт мне делать то, что я хочу…

ii

— Я считаю, что пациент ведет себя куда достойнее, чем мы все вместе взятые. Мы повели себя с ним, как минимум, неэтично. Мы поставили научные интересы выше общечеловеческих. Несомненно, эксперимент был необходим, иначе мы бы никогда не узнали о результатах наших исследований. Но нельзя доводить проверку гипотезы до абсурдного боевика. Мы не имеем права продолжать эксперимент, зная, что он должен закончиться гибелью подопытного.

— Откуда вы взяли, что он погибнет?

— Это очевидно. Простой человек не сможет противостоять такому давлению бесконечно. Развязка близится, а мы пассивно ожидаем её, не пытаясь предпринять хоть что-нибудь.

— Мы не имеем права: эксперимент еще не закончился.

— Мы не имеем права продолжать эксперимент, который зашел в тупик. Нужно всё прекратить и пересмотреть наши теоретические умозаключения. Сверить их с собранным фактическим материалом. Если мы не найдём ошибок, то эксперимент можно будет возобновить. Ведь мы сейчас уже не контролируем ситуацию и не можем определить какого рода события препятствуют нормальному течению эксперимента.

— По-вашему нормальное течение эксперимента предполагает счастье и радость подопытному? Простите, но мы тут не благотворительностью занимаемся. Нам нужен положительный результат, как можно скорее. Иначе проект будет закрыт, а все наши исследования похоронят на много лет. Не хотелось бы, ведь мы подошли довольно близко к поставленной цели.

— Слишком близко, как мне кажется. Мы ставим эксперимент, в основе которого лежит слово «доверие». И тут же создаем такие условия, в которых доверять кому-либо человек не может.

— Это не важно… Главное, что он успешно справляется с нашими… хм…

— Киллерами?

— Нет. С теми препятствиями, которые мы ему время от времени подбрасываем, для определения его толерантности. Какой же он киллер, если… В общем вы и сами все понимаете.

— А что будет, когда он узнает, что его препятствие на самом

деле единственная существующая личность в его мире. Что будет, когда он его всё-таки убьёт?

— Что будет — то и будет. В конце концов, мы должны проверить любые возможные варианты. Вы же учёный и должны понимать, какие перспективы сулит наша разработка.

— Пока я вижу лишь негуманное желание сотворить сверхчеловека.

— А что тут негуманного? Я считаю, что любой гуманоид был бы рад оказаться на месте подопытного, если бы узнал, какие перспективы перед ним откроются.

— Может быть, тут вы и правы… Но как мы будем избавляться от его навязчивой паранойи? Ведь мы не можем иметь дело с человеком, который не сегодня — завтра, пустит себе пулю в лоб.

— Не пустит. Его недоверие к окружающим людям вполне естественно, ведь он уже не такой, как они. Скоро он станет совсем другим… Мы будем свидетелями зарождения новой расы!

— В которой нет доверия…

— Которая сотрет человечество со всеми его недостатками с лица земли и заменит его на общество, в котором все будут абсолютно счастливы, потому что смогут верить друг другу.

— У Гитлера тоже были добрые намерения.

— А я и не спорю…

iii

— Литературу создают люди, созданные литературой. Это, как замкнутый круг. Ты пишешь книги только потому, что читал другие книги, или слышал в детстве бабушкины сказки. Подумай сам: кто ты такой?

— Я… Я самый обычный человек, который живёт точно так же, как и все. Утром иду в университет, вечером возвращаюсь обратно. Обычный студент, которого должны были выгнать вчера. Но меня не выгнали вчера, а значит, не выгонят и завтра. Мир вокруг меня застыл и совершенно не хочет изменяться. Такой мир очень просто описывать в книжках, поэтому я этим и занимаюсь. Это, как фотография — выбрал нужный угол зрения и сделал снимок.

— А если бы мир изменялся?

— Тогда пришлось бы изобретать кинематограф. Но это уже, увы, занятие не для меня. Я просто не могу умещать в своей голове множество картинок, которые увидел бы за день. Такое может привидеться только в кошмаре. В действительности такого,

к счастью, нет. Надеюсь, что и не будет никогда.

— Раз надеешься, значит не будет — именно так ты и живешь. В детстве ты, вылезая из утробы матери, ощупал всё своими маленькими ручонками и решил, что это и есть мать — самое святое и нужное в жизни. Ведь там было тепло и уютно, никогда не было слишком ярко, или слишком шумно. Тебя сытно кормили и не принуждали делать что-либо. Первая фотография! И даже по прошествии стольких лет ты, даже зная, что никогда туда не вернешься, считаешь её лучшим человеком на земле. Первая фотография! А потом тебя воспитывали и ты продолжал фотографировать. Вот грудь, кормящая тебя молоком — вкусно. Ты и сейчас, когда спишь с женщиной, пытаешься поласкать её грудь, хотя и знаешь, что молока тебе уже не дождаться. Дальше — бутылка с соской — не так вкусно, но всё же весьма питательно. Но вот ты взрослый и знаешь, что даже на бутылку с соской нужны деньги. А некоторые даже специально покупают детский корм, говоря, что это помогает им качаться. Фотографы, блин… Потом тебе показывали разные вещи и разных людей, и что-то рассказывали о них. Ты, может быть, и не подозревал бы о существовании всего этого, но тебя заставили сфотографировать и запечатлеть в своей памяти сам факт их существования. А сколько всего ты не видишь?

— Не знаю… К чему ты ведешь?

— Разве это важно? Впрочем, твоими самыми важными фотографиями были книги. Они сделают любого фотографа по-настоящему счастливым. Они сами по себе являются фотографиями — мертвые буквы на мертвых страницах. Но, как легко их фотографировать. И ты занимался этим всё своё сознательно детство с тех пор, как тебе внушили, что ты умеешь читать. Они всё дают необыкновенно чёткие и красивые снимки, но так ли ты уверен в том, что эти картинки истинны? Сколько раз ты уже был обманут? Тысячи раз — это и твоя мать и её грудь и игрушки, которые казались совсем живыми, стоя на витринах магазинов. Это и школа, которая виделась тебе храмом знаний, в котором каждый со счастливым лицом наполняет свой мозг новыми и новыми фотографиями. Итог — один. Всё стирается, снимки, казавшиеся живыми, превращаются в гротескные картинки, на которые даже смотреть тошно. И чем дальше, тем хуже. Герои всех любимых книг давно мертвы, или даже не живут в твоё время. Некоторые жили столетия назад, некоторые еще даже не родились. С теми, кто жив сейчас, встретится невозможно, а если судить по жизни, которая нас окружает, то их и вовсе нет в этом мире. Может быть, они живут где-то в параллельных мирах? Очень похожих на наш, но совершенно

отличных во всяческих мелочах, которые не видны при первом взгляде на фотографию. Даже когда вглядываешься невозможно понять, что означает та или иная черточка — некая неуловимая, но очень важная деталь, или всего лишь дефект материала.

— Дефект моих мозгов?

— Тебе не кажется, что твой мозг — это тоже фотография. Причем, раньше он наверняка казался тебе могучим двигателем твоих мыслей, генератором идей, лексическим анализатором и речевым синтезатором, суперкомпьютером, управляющим телом, которое, по сути, тоже не больше, чем не особо удачный кадр на плохонькой дешевой пленке.

— Меня ещё никогда не называли уродом, настолько иносказательно.

— Всё в жизни бывает в первый раз. Главное, что теперь твой мозг в твоих глазах превратился в жалкое подобие на то, чем он казался тебе раньше. Это плохо и хорошо одновременно. С точки зрения подавляющего большинства, которое приняло на веру мощь фотографии, ты безнадежно потерян в своих комплексах. Но если принять на веру то, что абсолютная свобода это отказ от чего бы то ни было, то ты понемногу приближаешься к этой самой свободе, разбрасывая вокруг себя сотни картинок, которые раньше хранил под сердцем.

Да, он никогда не был дураком поговорить. Особенно приняв некоторую дозу алкоголя. Вот и теперь мы сидим в узком неудобном коридоре друг напротив друга и ведём долгие и бессмысленные беседы, в которых я, как всегда, выступаю добровольным слушателем. Может быть даже учеником, или последователем. Люди проходят мимо и с завистью косятся на шеренгу пустых пивных бутылок, которые громоздятся поблизости. Иногда кто-то с недовольным лицом пытается пройти мимо нас и доблестно пытается перешагнуть через наши ноги, не уронив при этом бутылок. Нелёгкая задача, но ей не сравниться с теми проблемами, которые мы обсуждаем. Мы одновременно допили пиво, оставшееся на донышке бутылки и синхронно отставили обесценившуюся тару в сторону. Он на секунду исчез из поля моего зрения, а когда вновь появился, то его руки уже сжимали очередные бутылки.

— А кто же фотограф? — спросил я.

Он поглядел на меня сквозь бутылку, словно она была из волшебного стекла, и позволяла увидеть нечто невидимое невооруженным взглядом. Я последовал его примеру, но это ничего не дало: бутылка была из темного стекла и полностью скрывала всё, что находилось за ней.

— Ты, — ответил он наконец.

— Но я же всего лишь фотография, — я просто не поверил своим ушам.

— Ну и что? — удивился он, — Тебе никто не мешает быть одновременно и фотографом и фотографией. Есть же снимки, изображающие того, кто их сделал?

— Есть… Если зеркало фотографировать.

— Вот-вот, — он сделал глоток и неуверенно помотал головой, — Не совсем правильно, если говорить о тебе лично. Это для других ты являешься симбиозом фотографа и его снимка. А для тебя всё немного по-другому. Во всяком случае, я на это надеюсь.

— И как же это всё для меня? — я даже подался немного вперёд, ожидая услышать страшную тайну.

— А вот так, — в его голосе зазвучали торжественные нотки, — в действительности фотография это не сам ты, а всё то, что в тебе есть.

— Ага… — я даже захлебнулся пивом, услышав такое, — А как?..

— А вот так!

Я повернулся к окну и стал смотреть на звёзды, переваривая поступившую информацию. Значит всё, что есть во мне, это ещё не я. Есть некий кусочек, которого во мне нет, но именно он делает меня самим собой. Мимо прошла девушка, повиливая бёдрами в такт шагам. Я тут же сфотографировал её замечательную задницу, но тут же попытался выбросить эту фотографию — она просто не для меня. Сегодня она разделит постель с тем, кто сидит передо мной…

— А ведь то, чего во мне не хватает, что я был собой — это и есть фотограф, — сказал я таким тоном, словно меня вели на виселицу.

— Вот именно, — печально сказал мне мой собеседник, — вот именно. А поскольку твой фотограф останется с тобой навсегда, ты никогда не сможешь обрести абсолютную свободу. Ты можешь выбросить все свои снимки, но не фотографа, которого в тебе и нет. Но он видит, что все его снимки остаются невостребованными и это вселяет в него обиду, он перестаёт верить этому миру, тебе, тому, что изображено на его фотографиях. Он просто не может поверить во всю эту чепуху. Но поскольку он делает тебя тобой, часть его недоверия передаётся и тебе. И чем больше цветных картинок остаётся за тобой, тем меньше доверяешь тому, что у тебя осталось. А когда не останется ничего, будет одно недоверие.

— А тебе можно доверять?

— Ага, верь мне. Сейчас мы пойдем к подругам, а то они нас

уже, наверное, заждались.

Я с горечью кивнул и поднес бутылку ко рту, но пиво уже успело закончиться.

Может, я уже успел выкинуть фотографию с пивом? А может, это сделал фотограф, обидевшейся за то, что я избавился от других, гораздо лучших снимков. Впрочем, пора заканчивать с выпивкой, а то подруги на меня могут обидеться. Хотя какое мне до них дело? Давно пора выбросить все фотографии с ними на помойку, так же, как я когда-то выкинул ужасно не красивые картинки, изображающие мою жизнь. Именно с этого и началась история недоверия. Именно тогда фотограф осознал, что все его фотографии есть пародия, попытка сделать смерть жизнью. Попытка достойная профессионала своего дела, но мне она не принесла ничего хорошего. Ведь все фотографии пришлось выбросить…

Я поднялся и, слегка, пошатываясь, пошел туда, куда меня вели. Меня создали литераторы, которых создало моё воображение. Я и сам создан воображением тех, кто читает мои книги. Не больше чем пыльная фотография, среди множества других, готовящихся закончить свои дни в огне.

iv

Кто бы мог подумать, что она даст мне, а не ему? Фотограф в своем желании выслужиться сделал своеобразный кадр, который был тем менее достоверен, чем более реальным казался. Избавиться от него не получалось даже сейчас, когда я ехал по ночному городу в маленьком уютном такси. Никогда не думал, что буду получать удовольствие от езды на машине, но так или иначе у меня это получается. Ещё один безобразный снимок, который придется рано или поздно выбросить. Не доверяю я машинам, которые везут меня туда, куда я хочу. Это совершенно не нормально.

Но машина уверенно везла меня по улицам, лихо вписываясь в повороты. Вот мы завернули в маленький переулок. Никогда бы не подумал, что принцессы живут в такой глуши. Не видно ни одного фонаря. Только за спиной мелькают отблески от фар разных машин, изредка проезжающих по проспекту. Даже такси сильно сбавило скорость и ехало теперь на ощупь, поминутно останавливаясь и оглядываясь по сторонам, проверяя своё местоположение. Тут можно в лучшем случае расшибить себе лоб о столб, на котором должен равнодушно покачиваться фонарь, а в худшем — заехать в такие трущобы, что до утра и не выберешься.

Придется петлять по узким улочкам, оканчивающимся тупиками. И никто не придет на помощь, можно будет полагаться только на свою сообразительность.

Но она жила где-то здесь. Даже машина уже почувствовала её близость и ехала, надеясь не столько на зрение, сколько на шестое чувство — любовь. Машина никогда её не видела, но уже испытывала желание. Я ощутил неприятный укол и на её фотографию тут же лёг маленький штрих — ревность. Это было настолько забавно, что я даже расхохотался, из-за чего машина начала нервничать и ехать ещё более неуверенно, чем прежде. Это не страшно — назад она не поедет, из-за страха лишиться денег. Я ей прилично заплатил за то, чтобы она привезла меня в этот район. Пусть везёт.

Наконец мы остановились возле огромного дома, который закрывал половину звездного неба. В некоторых окнах робко ютился свет, но он был не в силах разогнать мрак, царящий вокруг. Если бы я знал, где её окно, то, наверное, стоял бы сейчас здесь и, глядя на него, пытался понять о чём же она думает. Но этого снимка мой фотограф сделать не успел — я был свободен идти прямо к ней, попасть в тот кадр, которому нашлось место на плёнке.

Я вышел из такси и из всей силы хлопнул дверцей. Машина обиженно взвыла и уехала, поняв, что здесь ей больше нечего ловить. Я с довольной ухмылкой посмотрел ей вслед и выкинул её из памяти. Нельзя доверять машинам, которые делают то, что у них просят.

Звонка возле её двери не обнаружилось. Либо он искусно прятался, либо я снял дверь под таким углом, что увидеть его не представлялось возможным. Это было обидно — пришлось стучать в дверь. Интересно, она сама живет? Этот вопрос действительно немаловажен. Почему же я только сейчас о нём задумался? Ведь если мне сейчас откроет её мама, то, как я объясню свой приход? И это ещё хорошо, если мама… А если старший брат, или друг, а может быть даже муж, или любовник. Ведь я, как не посмотри на фотку, ничего не знаю, кроме того, что у неё классная задница. Именно в таком ракурсе я увидел её впервые, именно такой она мне и запомнилась.

Минут через десять дверь открылась и, к моему счастью, там стояла именно она, а не кто-либо другой. На ней был лишь полупрозрачный пеньюар.

Я почувствовал, как моё лицо расплывается в глупой ухмылке, в которой скрывалась моя неловкость от столь позднего вторжения, радость от того, что я её вижу и отсутствие у меня каких-либо слов, чтобы всё это выразить, сделать понятным для

неё. Она ничего не стала спрашивать и, слегка улыбнувшись, отступила от двери давая мне пройти в квартиру.

Дверь за мной сразу же закрылась и все пути к отступлению оказались отрезанными. Впрочем, я был только рад этому. Мне только этого и хотелось. Я быстро скинул верхнюю одежду и обувь и прошёл за ней в комнату, которая поразила меня с первого взгляда. Я и сам всегда хотел бы жить в подобном месте. Здесь не было ничего, кроме раскладушки, стоящей по центру комнаты и телефона, который робко притаился прямо под ней, высунув наружу только длинный провод, тянущийся через всю комнату к розетке. Больше в комнате не было ничего, даже освещалась она маленькой лампочкой, висящей на вешалке в коридоре — возле моей курточки.

Я оглядывал свою знакомую сзади, наслаждаясь безупречностью формы — всё было точь-в-точь, как на фотографии. Она оглянулась и виновато поглядела на меня, похоже она смущалась неким аскетизмом своего жилища. Я хотел сказать, чтобы она не беспокоилась, что меня всё это вполне устраивает, но ни слова застряли в горле и не хотели слушаться моих команд. Тогда я просто успокаивающе улыбнулся и притянул её к себе. Она послушно прижалась к моему телу и, сквозь тонкую ткань, я отчетливо ощутил её прелестную форму. Ощущения были настолько чистыми, что их можно было смело снимать на плёнку — фотограф уже наверняка эти занялся.

Оттеснив лишние мысли подальше, я стал нежно поглаживать её по спине. Она подняла своё лицо ко мне и мы поцеловались. Мы потихоньку смещались к её раскладушке, хотя ни я, ни она не прилагали к этому каких-либо усилий. Нежные руки опустились к моей промежности и я ощутил, как она уверенно расстегнула мои джинсы, которые тут же упали вниз. В тот же момент мы с весёлым визгом упали на раскладушку и, только собрались переходить к активным действиям, как у неё под кроватью заверещал телефон. Она вздрогнула и непонимающе посмотрела на телефон. Я слегка отстранился, позволяя ей самой выбирать, что нужнее. Она уверенно протянула руку к телефону и резко сняла трубку.

— Алло, — её глубокий красивый голос звучал сейчас зло и обиженно.

Ей что-то сказали и она, нахмурившись, неуверенно посмотрела на меня. Я шутливо прижал руки к ушам, делая вид, что не собираюсь подслушивать.

— Кого? — спросила она и, выслушав ответ, протянула мне трубку, — Это тебя.

— Меня??? — теперь пришел мой черед удивляться, — Я

даже твой телефон не знаю, кому бы я его мог сказать.

Она пожала плечами и вложила трубку мне в руку.

— Да? — сказал я, догадываясь, кого сейчас услышу.

— Доброе утро, — послышался знакомый голос, — это опять я!

— Кто ты? — спросил я, — Ко мне уже вернулась память, но тебя в ней нет.

— Значит, память вернулась ещё не полностью. Но это не страшно: как я и обещал, скоро ты всё вспомнишь. Главное — терпение!

— И что ты хочешь мне сказать? — я посмотрел на подругу, которая усиленно пыталась догадаться, о чём идет разговор. Поймав на себе мой взгляд, она отрешенно уставилась в потолок, делая вид, что её не беспокоит моя беседа.

— Ты не послушался моего совета.

— Я бежал!

— Но сейчас ты не бежишь. Так ведь? Советую тебе бежать и поскорее. Скоро за тобой придут.

— И не подумаю, — сказал я грубо и кинул трубку на рычаг, который недовольно скрипнул.

Я виновато посмотрел на подругу, думая, что делать дальше. Ночь была безнадежно испорчена. Ох уж мне эти доброжелатели — нигде от них покоя нет.

— Тебе нужно уходить, — сказала она мягко. В её голосе чувствовались вопросительные нотки. Её хотелось остаться со мной, но интуиция подсказывала, что это невозможно.

— Ничего мне не нужно, — сказал я и почувствовал, что моё утверждение звучит совершенно неправдоподобно.

— Я заварю кофе. Тебе нужно немного успокоиться.

Я кивнул и она поднялась с раскладушки, но в этот момент в дверь постучали.

— Надо бы открыть, — сказала она равнодушно.

— Зачем? — спросил я, хватая её за руку. Она ловко вывернулась и, не спеша, прошла к двери.

Я начал натягивать на себя джинсы, чувствуя, что и вправду пришло время бежать. Дверь открылась с мягким щелчком. Я выглянул в коридор. За дверью в квартиру стоял мой давешний преследователь. Всё та же темная одежда и лицо, безразличное ко всему. Точно такое же будет у меня, когда я достигну свободы, если мне это конечно же удастся.

Он уверенно шагнул в квартиру, оттесняя подругу одной рукой и, закрывая дверь, другой. Потом он схватил её за голову и резко ударил лицом о дверную ручку. Послышался тошнотворный звук, ломающейся кости и на пол упали первые капли крови. Он

повторил этот удар ещё несколько раз, превратив её голову в сплошное кровавое месиво, после чего отбросил тело в сторону и посмотрел на меня.

— Эта фотография тебе болше не нужна, — сказал он равнодушно, — доверие не нужно строить на мертых кусочках фотопленки. Давай шприц.

— Какой еще шприц? — спросил я, подходя немного ближе и снимая с вешалки свою курточку.

— Тот, который ты у меня недавно забрал. Если бы не твоя вера в ангела-хранителя, ты бы ничего уже не помнил. Неужели тебе мало того, что ты успел вспомнить?

— Мало. Доверять или не доверять, я решу только тогда, когда у меня будет полный комплект фотографий.

— Давай шприц, — повторил он, мне показалось, что в его равнодушный голос закралась угроза.

— Держи, — сказал я и, выхватив шприц, подскочил к нему и вогнал его туда, где у всех людей находится сердце. Игла легко проткнула его одежду и я уверенно впрыснул ему несколько кубиков наркоты. После этого я быстро отскочил в сторону и стал смотреть на повтор того, что уже видел раньше. Вот он упал — в голове всё та же маленькая дырочка, из которой потихоньку струится кровь.

Я надел курточку и обулся. Оставаться здесь дольше не имело никакого смысла.

Пора бежать, вспоминать своего вечного спасателя и разбираться в ворохе фотографий, которые были сделаны в последнее время.

v

— Вы и теперь осмелитесь считать, что эксперимент не имеет никакого смысла?

Разве не заметно, как быстро прогрессирует наш подопытный? В его мозгах уже появилось всё, что нужно. Семена доверия и недоверия попали на благодатную почву и дали всходы?

— Он постоянно совершает ошибки! Вам не кажется, что это весьма странная черта для сверхчеловека. Даже людям свойственно ошибаться значительно меньше. Если мы не остановим эксперимент, то его рано или поздно просто убьют.

— Не волнуйтесь. Во-первых, наш сверхчеловек пока что всего лишь младенец, он учится на своих ошибках. Во-вторых — даже если его убьют, то мы ничего не потеряем, зато у нас в руках

будет огромное море информации, которую мы используем для создания нового опытного образца. Чем больше информации мы успеем собрать, тем проще нам будет на окончательной стадии эксперимента, когда он выйдет к препятствию и останется с ним один на один. К этому времени его психика должна быть полностью сформированной и вы об этом позаботитесь.

— Я только этим и занимаюсь, но мне кажется, что однообразие будет сильно вредить ему. Наше препятствие, во-первых, довольно примитивно, а во-вторых — оно всего одно. У подопытного нет возможности выбирать, он всегда сталкивается с одним и тем же, делая при этом одни и те же ошибки, количество которых мы и пытаемся уменьшить.

— Вы сами настаивали на том, что препятствие должно быть всего одного для того, чтобы мы могли проверить психическую устойчивость образца в условиях, абсолютной пустоты и всего одного врага. Что будет, когда он его уберет и поймет, что остался один в мире, населенном Homo Sapiens.

— Да всё это так. В данном случае препятствие оказалось бы идеальным, но мы не учли важного момента. Появление ангела-хранителя смешивает нам все карты. Я бы хотел остановить эксперимент, чтобы определить личность этого спасателя человеческой психики. Пока жив весь этот проклятый треугольник, мы не дождемся ничего хорошего. Ещё и эта подруга появилась, никто не ожидал её появления, а она тоже могла многое изменить в эксперименте. Увы, по ней собрано слишком мало материала.

— Девчонка действительно могла всё испортить, или наоборот открыть перед нами новые горизонты. Мы могли бы узнать об отношениях сверхчеловека с человеком много интересного… На неё претендовал образец, на неё претендовал тот, кто ему мешает, а всё из-за глупого обмена фотографиями… Зря мы упустили это из виду. При таком раскладе она и должна была умереть, поскольку не внушала доверия ни тому, ни другому. Всё логично… А вот с ангелом-хранителем стоит разобраться. Если это побочный эффект эксперимента, то нужно определить причину его появления…

— А если это стороннее вмешательство в ход эксперимента?

— Тогда нужно искать источник вмешательства и проводить его ликвидацию.

Эксперимент должен проводиться в идеально чистых условиях. Не зря же мы для этого моделируем целый мир!

— Всего с двумя реально живыми людьми?

— Да какая разница? Все остальные тоже могли быть вполне живыми, но вы настояли на таком раскладе. Причем, по-моему,

это совершенно справедливо. Так что давайте прекращать эти бессмысленные споры и займемся делом.

— Как скажете, я постараюсь внести все исправления, до следующего выхода образца к препятствию.

— Вот и хорошо…

vi

Наша утренняя разминка подходила к концу. Мы выложились полностью, я никогда не думал, что могу таким образом справиться с опьянением, но сейчас мои мысли были прозрачными, как хрусталь. Мы поднялись с постели и начали одеваться. Нужно будет отдать ключи хозяину, а то я нагло забрал у него и подругу и комнату. Не очень хорошо, но он должен понять — ему очень близка та свобода, о которой он столько говорит. Я же сегодня ночью отошёл от этой свободы на несколько шагов, а всё из-за чудной попки моей подруги.

Он сидел прямо на полу возле двери в свою комнату. В зубах зажата дымящаяся сигарета, а в руках — полупустая пивная бутылка. Похоже, ему не особенно повезло этой ночью. Вторая подруга видимо сбежала…

Рядом с ним стояла несколько пустых бутылок.

— Натрахались? — спросил он, беззлобно улыбнувшись.

— Ага, — довольно сказала подруга, — в полный рост.

— Это дело нужное… хорошее. А мне тут за пивом бежать пришлось… Нет, ну подумайте, полный холодильник пива, а мне ещё приходится куда-то бегать. Вот сейчас последнюю бутылку добиваю, думал опять бежать придется. Сколько времени хоть?

— Пять утра, — сказал я, посмотрев на часы и, вернувшись в комнату, вынул из холодильника почти полный ящик пива. Зачем мы его накупаем в таких количествах? Гораздо более интересен вопрос: куда оно всё девается? Не могу поверить, что это всё мы выпиваем.

— Я схожу отолью, — послышался голос хозяина комнаты. Выйдя в коридор, я увидел, как он неуверенно шагает в сторону туалета, иногда хватаясь рукой за стены, чтобы сохранять равновесие. Она уже успела сесть на место, которое он нагрел и теперь тоже смотрела ему в спину и улыбалась.

Открыв пиво для себя и для неё, я подсел к ней, и покрепче прижался — так теплее.

— Хорошее пиво, — похвалила она, сделав первый глоток.

— Особенно после бессонной ночи, — бросил я. Мне не очень хотелось говорить, но фигура моего приятеля снова маячила в

конце коридора — он возвращался. Значит разговора не избежать.

— Я вижу, ты обзавелся новой фотографией, — сказал он с некоторым осуждением, после того, как уселся, прямо напортив моей новой подруги.

— Так и есть, — сказал я, — А у тебя, что же не вышло? Где твоя подруга?

— А… Это отдельная история, целая сказка… — помолчав некоторое время, он вкратце передал нам суть этой истории, — Она мне не дала. Долгое время она водила меня за нос, чтобы в конце концов сказать, что ей пора домой. И убежала… Неужели, я настолько страшен.

Он вытянул свою руку вперёд и стал рассматривать её так, словно ожидал увидеть на коже зелёные пятна, а на пальцах когти в пятнадцать сантиметров длинной.

— У неё просто месячные, — вдруг сказала подруга, — Если бы не эта маленькая неувязка, то она бы обязательно тебе дала.

— Ага… — сказал он, задумчиво, — только нафига она сюда приперлась, если не собиралась трахаться? Вот именно — чтобы поиздеваться надо мной. Фотографии не вышло.

Он открыл себе пиво и начал его пить маленькими быстрыми глоточками. Что-то он сегодня не в настроении. Надо срочно спросить его о чём-то интересном. Пока я размышлял о том, в какое русло направить разговор, подруга успела принять единственно правильное решение.

— А что это вы всё время про фотографии разговариваете? Решили фотомастерскую тут открыть?

— Фотомастерскую? — он даже пиво прекратил пить от изумления. А ведь она и вправду еще ничего не знала о фотографиях, — Фотомастерскую???

Он начал громко хохотать, даже завалился на пол. Подруга, широко открыв глаза, переводила взгляд с него на меня. Я улыбался, глядя на веселье приятеля. Сейчас он снова начнёт разглагольствовать о тайнах мироздания. Вдоволь отсмеявшись, он сделал из бутылки хороший глоток и начал речь:

— Под фотографией, я понимаю все те вещи, которые связывают нас с этим миром. Скажем, что связало вас двоих, как ты думаешь?

— Ну, я не знаю… — подруга неуверенно замолчала, переваривая полученную информацию.

— А я знаю! Фотография твоей милой задницы, на которую он так заглядывался. Это единственное на чём держатся ваши отношения. Стоит ему выкинуть эту фотографию и ты окажешься не у дел. А рано или поздно он так и поступит. Может быть его к этому вынудят, я не знаю. Но именно в тот момент ты

прекратишь своё существование.

— Может быть не я, а моя милая задница? — натянуто улыбнулась подруга.

— Что-то в этом есть, — задумался он на мгновение, — Впрочем, я думаю это не столь важно. Хотя, если тебе легче думать именно так, — я не против.

— Ну хорошо. А как же он может выкинуть фотографию, которой у него даже нет?

— Почему же ты думаешь, что у него её нет? Всё у него есть, только ты об этом не знаешь. Я бы тоже не знал, но я с ним уже довольно долго общаюсь и поэтому могу судить о том, что происходит.

— И где же эта фотография? — она повернулась ко мне, — покажи её мне. Интересно посмотреть…

— Ничего интересного, — пробормотал я, — к тому же я не могу её показать. Я и сам толком не знаю где она. Но она есть, это я знаю твердо.

— Не суди его строго. Он пока не верит, что может показать тебе твою фотографию, потому что ты и есть эта самая фотография. Совсем недавно мы рассуждали с ним о том, как он может быть одновременно и фотографом и фотографируемым. В этом направлении он проявил поразительную прозорливость, впрочем, прозрение случилось с ним, как раз, когда ты проходила мимо. Интересно, что я раньше не обратил на это внимания. Ситуация с тобой абсолютно аналогична, но он, пока не может избавиться от своих комплексов и ничего тебе не покажет. Хотя может показать это кому-либо другому, если захочет и приложит максимум к этому максимум усилий.

— Так пусть он покажет фотку тебе, а ты — мне, — заявила подруга, довольно улыбнулась, уверенная в правильности своего решения.

— Боюсь, это чересчур личное, чтобы он решился использовать при этом посредника. Фотографию посредника он так и не выбросил из своей коллекции и поэтому не может мне довериться. Уверенность в том, что я как-нибудь его обману не покидает его.

— Да ладно вам спорить, — мне не хотелось слушать дальше эти бредовые речи, — всё равно я не могу показывать свои фотографии никому. Будь это тот, кого фотографировали или другой человек — я не умею этого делать. Вот и всё.

Они неожиданно легко замолчали и мы продолжили пить пиво. Неожиданно для себя, я отметил странное явление — в ящике не осталось ни единой бутылки. У каждого в руках была ополовиненная бутылка, а всё остальное уже было выпито. Я

никак не мог понять, как это происходит и кто выпивает всё наше пиво. Может быть, у меня просто есть фотография с пустым ящиком пива и она постоянно прорывается на поверхность, как бы я не пытался скрыть её подальше. Ну не может оно так быстро заканчиваться.

Я посмотрел за окно и увидел, что солнце уже давным-давно поднялось и осторожно заглядывает к нам в окно. Оно было по-зимнему холодное и совершенно нефотогеничное — мне совершенно не хотелось сохранять его в памяти, каким бы оно не казалось ярким и радостным.

Через несколько минут всё пиво закончилось и мы уставились друг на друга совершенно не представляя себе что же делать дальше. Несколько минут прошли в гробовом молчании, после чего приятель, наконец, не выдержал и сказал:

— Может сходим за пивом?

— Да я, пожалуй, пойду домой, — проговорила подруга, — я и так уже много выпила.

Меня так и подмывало спросить: «Сколько?» — но вместо этого я сказал:

— Пожалуй, и я пойду, может, еще на занятия сегодня успею зайти.

— Психи, — сказал он, — ну а я тогда пойду спать.

Мы распрощались, а потом я повёл подругу на улицу. Она действительно была довольно пьяна и, наверное, не смогла бы дойти до выхода сама, а завалилась бы спать где-нибудь посреди коридора.

На улице было весьма свежо, можно даже сказать прохладно. Легкий ветер выдувал из мозгов остатки опьянения и мы довольно быстро пришли в себя.

— Где ты живешь? — поинтересовался я.

Она сказала мне свой адрес, который я, как сумел, попытался сфотографировать. Улица, на которой она жила, была мне не знакома, но это, разумеется, ничего не означало.

Потом я с замиранием сердца смотрел на то, как она, подойдя к проезжей части, подняла руку, подзывая ближайшую маршрутку. Машина, разумеется, сразу же остановилась, радостно завизжав шинами. Ещё бы — ей досталась честь везти девчонку с такой задницей. Она открыла дверь и скрылась в салоне маршрутки.

— Покупаем пирожки, — раздался оглушительный голос сзади, — горячие пирожки!

Я взглядом проследил за машиной, а потом развернулся назад, чтобы посмотреть на негодяя, кричащего у меня под ухом. Ничего более нелепого я никогда раньше не видел. Это был

дряблый маленький человечек в белом халате врача. На голове его была та же докторская шапочка, довершающая имидж, а в левой руке он сжимал огромную плетеную корзинку, в которой, видимо, и скрывались пирожки. Самое интересное в том, что в правой руке он сжимал большой черный пистолет, нацеленный мне в грудь. Я не успел ничего предпринять, как он в меня выстрелил.

Последней фотографией была улица, которую я видел под несколько странным углом — меня куда-то несли, небрежно перекинув через плечо.

vii

Когда я вышел из её подъезда, передо мной сразу же встал вопрос: куда же теперь бежать? Район был совершенно незнакомым, я даже никогда не предполагал, что в этом городе есть подобные районы с узкими улочками и без освещения. Весьма неприятная ситуация — не стоило, пожалуй, отпускать машину. Хотя с другой стороны, она один раз уже помогала мне бежать, глупо надеяться на то, что удастся дважды войти в одну и ту же реку.

Что же, придется идти пешком. Хорошо хоть, что у меня нет с собой мобильного телефона. Это избавит меня от звонков моего спасателя, будь он трижды проклят. Может быть, если он не будет меня предупреждать, то не появится и преследователь? Весьма слабая надежда, но в моём состоянии любая надежда лучше, чем отсутствие таковой. Не доверяю я этому спасателю, что-то не так в его поведении. Звонит мне перед самым приходом убийцы, говорит загадками, словно не спасать меня собирается, а запутывать. Интересно, а сам он мне доверяет? Что будет, если я возьму и настучу на него этому странному преследователю? Станут ли меня выслушивать? Много вопросов, но ответов нет и не будет, пока я не встечусь с неприятелем. А это, видимо, не произойдет до тех, пор пока меня не найдет мой спасатель. Замкнутый круг получается. Мне даже захотелось поскорее попасть в такое место, где меня можно было бы найти, но не было никаких идей по поводу того, куда нужно идти. К тому же надо вначале выйти в нормальный район, где я смог бы сориентироваться на местности.

Переулок, по которому я шёл, неожиданно закончился Т-образным перекрестком.

Куда идти дальше? Я попытался вспомнить, какие маневры проделывало такси, когда везло меня сюда, но потерпел неудачу.

То, что меня вообще привезли куда надо, очень походило на волшебство. Сам бы я никогда не нашёл дороги к её жилищу. Думаю, что никто из моих знакомых тоже не смог бы совершить этот подвиг. Как только она умудрялась добираться к себе домой каждый день? Впрочем, теперь она мертва и все мои вопросы не имеют никакого смысла. Я наудачу повернул налево и пошёл дальше.

Не помню, сколько я еще раз поворачивал, но когда начало светать, я вышел на довольно широкий проспект. Как маленький мальчик которого впервые вывели на прогулку, я беспомощно озирался по сторонам. После блуждания в потемках, проспект казался мне широченной магистралью, которая обязательно приведет меня в лучшее будущее. Я вначале даже не мог понять, куда же меня занесло, всё казалось чужим и незнакомым, хотя и многообещающим. Потом я догадался, что здесь должна ездить маршрутка, на которую села подруга, расставшись со мной. Значит, я могу уехать отсюда, как только начнет ходить общественный транспорт.

Мне не пришлось долго ждать. Маршрутка выехала из-за далёкого поворота и стремительно понеслась в мою сторону. Похоже, это была та же самая машина, на которой уехала моя подруга. Может быть, по этому маршруту никто не ездит, кроме этой машины? Той самой, которую я сфотографировал. Я требовательно поднял руку и она, резко сбросив скорость, остановилась прямо передо мной.

В салоне никого не было. Я сел на переднее сиденье и, расплатившись, за проезд стал смотреть на дорогу. Мы ехали довольно долго, прежде чем за окнами замелькали привычные взору центральные районы, которые медленно пробуждались ото сна. По улицам уже вовсю разъезжали машины, коварно косясь в сторону редких пешеходов.

Вот и остановка, на которой мы с ней расстались. Я попросил машину остановиться, и вышел на улицу. Зачем я здесь? Чтобы подставить приятеля? Ведь на моей совести уже есть одна смерть, так зачем увеличивать количество своих грехов? Но я в любом случае должен поговорить со своим мучителем, бегать вечно невозможно. Рассуждая таким образом, я решительно пошёл к комнате приятеля.

Он сидел на полу в коридоре, окруженный целой армией бутылок.

— Привет, — сказал я, усаживаясь рядом.

— Здравствуй, — сказал он и, выудив из кучи бутылок одну полную, протянул её мне, — что-то ты давно ко мне не заглядывал. Неделя уже прошла, или больше?

Его глаза были мутными, но говорил он вполне нормально, язык почти не заплетался. Я отпил из бутылки и, почувствовав, как прохладная жидкость устремилось к желудку, сказал.

— Знал бы ты, что со мной произошло, — не удивлялся бы…

— Ты имеешь в виду смерть? — спросил он спокойно.

— Как ты догадался.

— Видел из окна, как тебя подстрелили. Кстати та, вторая подруга, еще пару раз заходила сюда. Я её таки оттрахал, натянул так, чтобы мало не показалось.

— А тебя не удивляет, что я и после смерти снова прихожу сюда? — спросил я, подавляя улыбку.

— А чему я должен удивляться? — спросил он, глядя мне в глаза, — фотограф вне тебя и он жив. А значит, живы и его фотографии, и жизнь которую он успел отснять. Только со временем их количество будет умеьшаться и вскоре не останется ничего, что могло бы заставить тебя цепляться за эту бесполезную жизнь. Вот тогда ты и обретешь настоящую свободу. Правда, для многих твох знакомых, — тех, чьи снимки ты уже потерял, ты уже мертв. Я даже думаю, что твоё тело давным-давно покоится на кладбище. Правда, ты свою могилу никогда не увидишь…

— Нет нужной фотографии?

— Понятливый, блин. Кстати твоя подруга заходила, минут пять назад ушла. Её фотку ты тоже потерял?

— Да, ей разбили голову о дверную ручку.

— Интересно, — он немного оживился, — может она хоть теперь мне даст? Ведь вы уже умерли друг для друга, не так ли?

— Именно так, — уныло подтвердил я. Всё-таки у него есть гораздо больше шансов одержать победу в этом бою. У него появилась возможность реванша.

— Как же ты так умудрился? Потеряв её фотографию, приобрел фотографию скорби по ней.

— Так уж получилось… Фотограф подкачал.

— Ты так и не научился им управлять, — сокрушенно проговорил он, — стоило бы заняться его воспитанием сейчас, пока не стало слишком поздно.

— Да, наверное, ты прав. У меня даже есть такое ощущение, что я умел это делать, только забыл. Я забыл обо всём, что было после убийства.

— А было ли что-то?

— Было! Очень многое было, но всё куда-то ушло, а мне осталось только ждать момента, когда оно вернется.

Он кивнул и в этот момент из комнаты донеслась едва слышная трель.

— Ты что успел мобильником обзавестись за это время? —

удивился я.

— Нет, — он покачал головой, — это ты после того, как устраивал тут траходром, оставил его на тумбочке. Всё это время он молчал, а тут, стоило тебе появиться — начал трезвонить.

— Что-то больно долго он не трезвонил. Я уже даже начал терять надежду…

Он посмотрел на меня с подозрением, но я поднялся с пола и вошёл в комнату. Телефон и вправду лежал на тумбочке, подзывая меня к себе. Я взял его в руки и вышел в коридор.

— Да? — спросил я невидимого собеседника.

— Ставлю сто против одного, что ты уже догадался, кто тебя беспокоит!

— Дальше, — сказал я деловито.

— Никакого дальше уже не будет… Во всяком случае для тебя! Своё ты отбегал, можешь теперь просто ждать.

От неожиданности я резко опустился на пол и, приняв из рук приятеля бутылку пива, тут же осушил её. На языке вертелось множество вопросов, но мой спасатель уже повесил трубку, оставив меня один на один с собой. Впрочем, это было не совсем верно, по лестнице уже слышалась чья-то тяжелая поступь. Вскоре на этаже появился преследователь.

Он пошёл прямо в мою сторону и я попытался загородить приятеля своим телом, скрыть его от глаз этого чудовища.

— Не волнуйся, я не собираюсь зверствовать. Ты и сам сможешь избавиться от него; без моей помощи. Сейчас гораздо важнее другое — мы наконец-то встретились: подопытный образец и препятствие, которое создано для того, чтобы подопытному жизнь не казалась слишком простой. Нам есть о чём поговорить. Так или иначе, ты успел уничтожить шприц и лекарство. Теперь тебе некуда бежать — память скоро вернется и всё тёмные закоулки, в которых ты скрывался, будут ярко освещены.

— Ты знаешь, что за тобой следят? О каждом твоём визите меня предупреждают заранее. Ты не можешь подкрасться ко мне так, чтобы я ничего об этом не узнал.

— Знаю, — сказал он равнодушно, — увы, я ничего не могу с этим поделать. Может быть, ты согласишься мне помочь?

— Может быть… — сказал я, как можно более неопределенно.

— Тогда пойдем, — он взял меня под руку и повёл к лестнице, — я отведу тебя в одно место, где мы сможем поговорить спокойно, там я никогда не ощущал на себе взгляд этого твоего ангела-хранителя.

— Пришли мне её фотку, — голос приятеля раздался

совершенно неожиданно, — я бы не отказался взглянуть на неё под тем же углом, что и ты. Может быть, тогда в нашем трахе появится некая изюминка, из-за которой ты ей так понравился.

— Я обязательно напомню ему об этом, — сказал мой сопровождающий.

— Это хорошо, — откликнулся приятель и я услышал звук открываемой бутылки.

— Не напивайся, — это было моим последним пожеланием.

viii

— Мой дорогой коллега, у меня создается такое впечатление, что вы занимаетесь саботажем. Я требую объяснений происходящему.

— А что вам не нравится? По-моему ваши притязания просто беспочвенны. Ведь вы сами настояли на продолжении эксперимента, хотя я и предлагал остановиться и возобновить работу только после обработки всей полученной информации.

— Я это отлично помню. Мне кажется подозрительным то, что происходящее прямо противоположно тому, о чём вы говорили мне ранее. Зато всё идет именно так, как вам бы хотелось. У подопытного была замечательная встреча с тем, кто служит ему лишь помехой. Причем у препятствия было настолько благодушное настроение, что они даже подружились. Разве такова была модель, предлагаемая вами и одобренная мной? В такой ситуации они должны были бы наброситься друг на друга и подопытный бы сломил сопротивление и уничтожил препятствие. Только появление этого непонятного ангела-хранителя могло бы что-то изменить. Но никакого вмешательства в ход эксперимента обнаружено не было. Следовательно — моделирование было недостоверным. Мне это кажется несколько странным, а вам?

— Я действительно не знаю, что произошло. У меня возникает подозрение, что подопытный не хочет уничтожать препятствие, он наоборот хочет превратить его в себе подобного. Это несколько сложнее, зато поможет избежать шока. Возможно, это первое решение, которое он принял самостоятельно. Вы должны гордится этим, а не упрекать меня в том, что дерево недоверия, внедренное в его психику стало неожиданно приносить странные плоды… А именно — доверие, от которого один шаг до самой настоящей дружбы. Хотя возможно я и не прав.

— Что вы имеете в виду?

— Они сейчас направляются в такое место, где пресловутый

ангел-хранитель не сможет до них дотянуться. Возможно, там и состоится окончательная разборка?

— Что это за место? Мы сможем их там контролировать?

— Я не знаю. Моделирование мира лежит на вашей совести, советую проверить все дыры и укромные места, которые остались в системе. Хотелось бы узнать, что же там все-таки произойдет.

— Может быть, мы всё-таки сможем узнать, кто нам упорно мешает проделать всё так, как нужно. Хотелось бы верить, что эксперимент закончится именно этим разговором.

— Мне кажется, что всё, увы, не так просто, как нам хотелось бы думать.

— Не будьте излишне пессимистичным, перед нами открываются такие горизонты, о которых раньше можно было только мечтать.

— Я вполне реально смотрю на вещи и в очередной раз предлагаю прекратить эксперимент, пока у нас еще осталось хотя бы несколько рычагов управления. Если он выйдет из под контроля, то последствия могут быть устрашающими, а главное в том, что мы не можем ничего предсказать. Мы не имеем права вносить серьёзные нарушения в модель.

— Ну, знаете ли, это уже смахивает на трусость. Никогда не думал, что вы опуститесь до того уровня, на котором ставите интересы нескольких придуманных людишек, выше научных и общечеловеческих интересов.

— Общечеловеческими интересами здесь и не пахнет.

— Занимайтесь своим делом! Анализируйте поведение подопытного, а то он у вас что-то совсем расшалился. Если эксперимент сорвётся, то это будет лежать исключительно на вашей совести, и я постараюсь, чтобы об этом узнало, как можно больше людей.

— Не волнуйтесь, я продолжу работу, но помните о моём предупреждении. Мы уже не в состоянии безгранично навязывать подопытному свою волю, следите за тем, чтобы он не обернул свою власть против нас.

— Кто? Персонаж модели? Да вы просто сошли с ума.

— Надеюсь, что это так…

II. Альянс

Ix

— Меня побили камнями на детской площадке
Я ушел чуть живым, скрываясь в чужом районе
Но собаки нашли мой след и грызут за пятки
Я устал считать, сколько суток идет погоня

Мягкая музыка и чуть хрипловатый голос Чижа пробудили меня от сна. У меня было отчетливое ощущение, что эта песня поётся про меня. Очень скоро мне придется бежать неизвестно куда. Меня побили? Неправда! Меня просто-напросто убили. До сих пор в груди пульсирует боль, от которой я убежать никуда не смогу. Неужели она теперь будет всегда сопровождать меня? От этой мысли я даже содрогнулся и немедленно открыл глаза. Надо мной был лишь высокий, почти недостижимый, потолок. Абсолютно белый — ни пылинки, ни пятнышка, я на нём не увидел, как не напрягал глаза.

Я дёрнулся, пытаясь поднять своё тело с постели, но безуспешно. Крепкие ремни удерживали его в строго горизонтальном положении. Даже голова была зафиксирована так, что смотреть я мог только в потолок. Руки и ноги упорно не хотели слушаться моих команд и даже не откликались, как будто их и вовсе нет. Если бы не едва заметное давление ремней, можно было бы даже подумать, что тела я уже лишился. Единственной вещью, которую я отчетливо воспринимал, была боль.

Песня закончилась и мир вокруг меня погрузился в гробовую тишину, нарушаемую только моим прерывистым дыханием. Я еще раз рванулся вперёд, но снова остался в том же положении.

— Проснулся? — голос был красивым и мелодичным. Говорящий был справа от меня, вне поля моего зрения.

— Да, — прохрипел я, удивившись тому, что голосовые связки мне ещё подчиняются.

Ответа не было. В моей голове возникло изображение человека, который равнодушно кивнул мне головой и направился к выходу. Он удовлетворил своё любопытство и теперь вполне может удалиться, оставив меня один на один с самим собой.

— Где я? — на то, чтобы произнести эти два слова мне потребовались израсходовать чуть ли не весь запас своих сил.

— В больнице. Во всяком случае, так это место называют те, с кем я общался.

Я молчал, ожидая продолжения. Мой собеседник помолчал

некоторое время, словно думал о чём-то своём, а потом продолжил.

— Это место скорее похоже на сумасшедший дом… С двумя пациентами, — я услышал его тихий смех.

— Ты и я?

— Именно так. Вот смотрю я на тебя лежащего в смирительной рубашке, да ещё и перевязанного кучей прочных кожаных ремней и размышляю: «Неужели и в нормальных больницах с пациентами обращаются подобным образом?» Я, правда, нечасто посещал больницы, но всё же мой опыт подсказывает мне, что так быть не должно. Правильно?

Я промолчал, не зная, что и сказать. Сумасшедший дом? Мы лежим в кроватях, связанные и беспомощные. Хотя мой собеседник только что сказал, что видит меня. Он развязан? Или просто его голову зафиксировали не так надежно, как мою и он может свободно смотреть по сторонам, или, по крайней мере, может, скосив глаза, увидеть, что происходит в этой комнате?

— Ты тоже связан? — спросил я и тут же, чуть не застонал от боли, которая вырвалась из груди и широкими волнами растеклась по всему телу, накрыв меня с головой. Потом она начала медленно отступать, слишком медленно — надо поменьше говорить, я и дышу-то с трудом.

— Нет, — в голосе не было ничего кроме безразличия. Ему было плевать на мои страдания, — Я не связан, но помочь тебе ничем не смогу. Меня обездвижили другим способом… Я больше похож на парализованного. С огромным трудом я могу крутить головой, могу даже пользоваться одной рукой, чтобы дотянуться до чашки с водой, которая стоит у изголовья. Но ноги меня абсолютно не слушаются. Ты не волнуйся… С тобой скоро сделают то же самое, просто они побоялись колоть тебе нужные для этого лекарства — тебя перед тем, как привезти сюда и так неплохо накачали наркотой.

Я молчал, ожидая, когда боль полностью схлынет и я смогу разговаривать.

— Тебя, кстати, обманывают, — сказал вдруг мой собеседник, — Ты сейчас не можешь испытывать боли, поскольку с тобой всё в полном порядке. Просто твой мозг взял на веру пистолет, который сжимал в руках твой похититель и интерполировал твои ощущения до нынешнего момента. То, что ты ощущаешь сейчас — это то, что ты должен был бы ощущать, если бы в тебя по-настоящему стреляли, но ты каким-то чудом умудрился остаться в живых. Понятно?

— Как фотография? — прохрипел я и тут же вновь захлебнулся в волне боли, которая вновь накрыла меня,

совершенно не заботясь о том, что я знаю про её нереальность. А может быть она и вправду настоящая? Но как я тогда очутился здесь? И что это за место? Мне конечно неизвестно, какой должна быть загробная жизнь, но это не она. Если после смерти мне было суждено попасть в маленькую комнатку с белым потолком и невидимым собеседником, то какой смысл был в жизни? Если он, конечно же, вообще был…

— Фотография, — до меня опять донесся его голос, на этот раз в нём была легкая заинтересованность, — Неплохо придумано.

Похоже, мои слова заинтересовали его куда сильнее моих мучений. Мне стало немного обидно, хоть эти слова придумал не я. Правда этот человек может лежать здесь уже очень долго, совершенно один, не слыша звуков человеческого голоса и ему приятно слышать человеческую речь. Интересно, а сам я, сколько здесь уже нахожусь? Сколько прошло времени с тех пор, как меня несли вниз головой на чьём-то крепком плече?

— Ты давно здесь? — спросил я, подавляя боль. К моему удивлению она довольно легко отступила, оставив последнее напоминание о себе в грудной клетке, да и то всего лишь едва ощутимой пульсацией.

— Давно ли я здесь? — переспросил мой собеседник с таким пафосом, словно вопрос был риторическим, — Кто знает? Здесь нет окон, нет часов и календарей. Я никогда не видел, чтобы те, кто ко мне приходили смотрели на наручные часы. Я засыпал и просыпался примерно десять раз, но это ничего не значит. Иногда меня погружали в сон искусственно — перед разными процедурами. Последнее пробуждение несколько отличалось ото всех остальных тем, что я обнаружил в комнате тебя и нескольких местных «врачей». Они крепко-накрепко привязали тебя к кровати и ушли, бросив несколько слов про синтезатор боли и несовместимость его с парализаторами. Если ты скажешь, какое было число, когда тебя схватили, то я, может быть, смогу посчитать, сколько времени меня здесь держат.

Какое было число? Я никогда не задумываюсь о таких вещах и не слежу за календарем. Конечно, можно напрячься и посчитать, вспомнить фразы разных людей по этому поводу, за последние несколько дней… Но зачем этим заниматься? Это не даст мне никаких ответов, а значит — ничего существенно не изменит.

— Кто ты? — мне было совершенно безразлично, кем является мой собеседник, но я не нашел более умного вопроса, для поддержания беседы.

— Какая разница? — удивился он, — Тот, каким я был

раньше уже исчез навсегда, растворился в прошлом. Тот, кем я стану, еще даже не проступил из дымки будущего. То, что со мной делают здесь, сделает из меня человека, с которым никто еще не знаком. Даже я сам. С тобой будет то же самое. Можешь даже не рассказывать мне о том, кто ты такой и как тебя угораздило сюда попасть. Вряд ли это имеет значение… По крайней мере сейчас точно никакого значения этому придавать не стоит.

— Но я хочу знать, что общего между нами, почему меня забрали сюда. Я думаю, что если я буду знать о тебе больше…

Я обессилено замолчал, начав задыхаться. Боль снова начала усиливаться, стоило мне только разгорячиться и перестать её контролировать. Когда же я себя обманываю: когда верю в то, что мне очень больно, или когда пытаюсь забыть про боль?

— Молчи, — собеседник перешел на шепот, — они идут сюда.

От его шепота меня охватило волнение и боль в очередной раз беспрепятственно накрыла меня. Пришлось, стиснув зубы, взять себя в руки и сказать своим выдумкам всё, что я о них думаю. Это было не просто, но когда дверь открылась, я уже чувствовал себя гораздо лучше.

— О, наконец-то найден и убийца и его невинная жертва, — голос вошедшего был хриплыми и звучал весьма торжественно. До меня донеслись звуки его шагов. Тук. Тук. Тук. Он быстро приблизился к моей кровати и его лицо зависло неподалеку от моего. Неестественная белизна потолка создавала странный обман зрения. Казалось, что этот человек не больше, чем рисунок, нанесенный кем-то на потолок — прямо на до мной. Причем проделано это было буквально за доли секунды, пока я мигал. Это показалось мне забавным и я улыбнулся.

Он увидел мою улыбку и его некрасивое лицо слегка дернулось, как от пощечины. Иллюзия того, что он лишь рисунок рассеялась. Я стал внимательно его разглядывать, пытаясь запечатлеть в памяти всё, что возможно. Это оказалось трудным занятием — мозг ухватывал лишь общие вещи, совершенно не желая сосредотачиваться на подробностях. Лицо — не красивое и не выразительное. Волосы — взлохмачены, прямо сумасшедший профессор. На белой рубашке следы какой-то красной жидкости, возможно крови. Больше в память ничего не хотело залазить, как я не пытался напрячь своего фотографа. Ему, видимо, не нравилось лицо этого человека и он не хотел зря тратить плёнку.

— Показываем чудеса самообладания, молодой человек? — лицо, висящее надо мной, попыталось изобразить нечто подобное улыбке, но из-за этого стало по-настоящему уродливым, — Неужели вы не верите своим ощущениям? В вас стреляли и вы

спасены чудом. Не нужно забывать о боли. Не нужно отчуждаться от мира. Ведь вас нужно спасать, а как мы будем вас спасать, если вы отказываетесь от лучшего индикатора состояния организма — боли? Вам сказали, что боли нет, а вы в это так легко поверили? Глупо и наивно! Человек, лежащий на соседней кровати должен вас убить, а вы ему доверились. Да не будь он парализован, от вас бы уже ничего не осталось. Такая уж у него мания! Он ведь уже один раз пытался… Помните?

Я молчал, мне почему-то не хотелось верить этому человеку.

— Ну что же придется напомнить вам про боль, — сказал он и улыбнулся ещё шире, от чего вообще потерял всякое сходство с человеком.

Он поднял руку на уровень своей головы — так чтобы я мог её видеть и сказал:

— Наслаждайся своей болью, — и опустил руку прямо на грудную клетку. Я не мог видеть, ударил ли он меня, — это было вне поля моего зрения. Но боль казалась абсолютно реальной, — резкой и неприятной. Я не смог удержать её удержать, как не старался… Мой мучитель ухмыльнулся и вышел из комнаты. Дверь закрылась с хлопком и всё, что меня окружало, погрузилось во тьму.

x

Бывший преследователь, а ныне — провожатый — шёл впереди. Я видел лишь его лысую голову, черную кожаную куртку и черные джинсы. Всю спину куртки украшала огромная нашивка с черепом и надписью — скорее всего название группы. Из-за готического шрифта, которым эта надпись была выполнена, я так и не смог прочитать названия. А жаль… Возможно стоило бы послушать, может тогда станет понятно откуда берутся такие люди.

Он достал из кармана пистолет и, опустив руку, нёс его нацеленным в землю. Интересно, я доживу до конца сегодняшнего дня? Сейчас можно было бы прыгнуть ему на спину, схватиться за шею руками и попытаться его задушить. Я даже начал прикидывать вероятность того, что этот маневр мне удастся, но память тут же подкинула мне ощущения того, как он поднимал меня с земли и то, как он разбивал голову моей подруги о дверную ручку. Я поёжился и отказался от своих кровожадных планов — мы были в разных весовых категориях. Он бы стряхнул меня со спины, как назойливое насекомое. То, что я смог несколько раз от него уйти — всего лишь случайности.

Скорее всего, он даже знает причину их возникновения. Он ни капли не удивился, когда я сказал ему, что за ним наблюдают и предупреждают меня о его появлении. Теперь он ведёт меня в такое место, где мы будем один на один. И это я согласился на это? Не может быть. Я ещё раз прокрутил в памяти наш с ним короткий разговор, но не смог найти причин своей легковерности. Он меня попросил прогуляться с ним, а я, как дурак, согласился. Если он доведёт меня туда, куда хочет, то моя судьба будет предрешена — до завтра я точно не до живу. Этот мир лишится одного жителя. Впрочем, миру плевать на тех, кто в нём живёт. Если я хочу остаться живым, то полагаться можно только на себя.

Я начал было украдкой оглядываться по сторонам, в поисках подворотни, куда можно было укрыться, но в это время мой спутник остановился. Я налетел на него, но он даже не пошатнулся. Прямо перед ним был открытый канализационный люк. Он некоторое время подозрительно смотрел на него, а потом сказал:

— Нам туда!

— Хорошо, — я собрал все свои силы, чтобы не выдать того волнения, которое меня охватило. Пусть лезет, а я побегу. У меня будет хотя бы небольшая фора, может быть всё-таки получится.

— Ты первый, — в его голосе мелькнули просящие нотки, — поверь, я не желаю тебе ничего плохого. Мы должны поговорить, как можно скорее.

Я задрожал, испуганно покачал головой из стороны в стороны и начал пятится назад. Он протянул ко мне руку и резко схватил за плечо.

— Парень не пытайся убежать, а то придется тебя убить. Ты бежишь, а я убиваю — таковы правила игры. Мы их уже нарушили, но теперь надо довести это до конца, иначе, зачем было начинать?

Я вторично покачал головой, тогда он легко притянул меня к себе и, сдавив плечи руками, поднял меня над землей. Я начал дергаться, не понимая, что происходит. Он, не обращая на это внимания, подошел к люку и начал аккуратно заталкивать в него моё тело.

— За что? — закричал я, очутившись, когда моя голова опустилась ниже уровня земли. Стало темно — практически весь дневной свет был загорожен моим провожатым. Пол не был виден и мне казалось, что подо мной километры пустоты, а на дне острые шипы. Вот сейчас он меня отпустит и моё тело, после долгого полёта будет насквозь проткнуто огромной железякой. Я успокоился и пытался, как можно меньше двигаться, чтобы этот

странный человек случайно не уронил меня. Руками я схватился за его кисти, лежавшие на моих плечах.

— Там на стене должна быть лестница, — его голос был совершенно спокоен и ровен, я вдруг понял, что это тот же мелодичный голос, который я раньше слышал по телефону и в том странном месте, которое он называл не то больницей, не то сумасшедшим домом, — Хватайся за неё и ползи вниз. Там подождёшь, я догоню.

Я начал ощупывать всё вокруг себя и действительно нашёл лестницу — металлические скобы, вбитые в одну из стен колодца. Покрепче вцепившись в скобы руками, я аккуратно встал на них, и тут же мои плечи освободились, — живые тиски, сжимавшие их, разжались, выпуская меня на свободу. Впрочем, о какой свободе может идти речь? Всё равно у меня теперь только одна дорога — вниз, а там я буду вынужден дождаться сопровождающего. Никогда не рискну бродить здесь сам — уж лучше быстрая смерть, чем долгое мучительное умирание от голода в полной темноте.

Скобы были вбиты на совесть, за время моего спуска ни одна из них даже не шелохнулась. Прикрыв глаза, я представил себе, как спускался по пожарной лестнице, убегая от преследователя и подумал, что тогда условия были куда хуже — здесь значительно теплее. Крышка люка над головой с шумом захлопнулась лишив меня последних тусклых лучиков солнца, но я никак на это не отреагировал. Меня хватало только на простейшие механические действия — перемещение по лестнице. Опустить правую ногу, за ней левую. Потом опустить ниже руки. И ни в коем случае не останавливаться, иначе мой сопровождающий меня догонит и раздавит мои руки своим огромным ботинком. Я слышал тихий шорох каждый раз, когда он становился на очередную ступеньку, несколькими метрами выше меня.

Когда лестница закончилась, я даже не сразу понял, что произошло и вновь и вновь пытался опустить ногу ниже, но она неизменно натыкалась на каменный пол подземелья. После десятка попыток, я все-таки сообразил, что происходит и, отойдя в сторону, позволил себе перевести дыхание. Только сейчас я заметил, что руки и ноги меня не слишком хорошо слушаются — в них поселились источники тупой ноющей боли. Я начал разминку, но в это время раздался тяжелый удар по полу — наконец-то спустился попутчик. Я услышал шорох, а потом он включил маленький фонарик. Он давал совсем немного света, но после абсолютной темноты, даже это казалось лишним. Пришлось на секунду зажмуриться.

— Пойдём, тут недалеко осталось.

Голос, несомненно, тот же самый, что и по телефону. Меня так и подмывало расспросить его обо всём происходящем, но я сдержался. Раз он не хочет, чтобы его подслушивали, значит это обосновано. Достаточно того, что он и мой, как он говорил — ангел-хранитель — одно и то же лицо. Хотя он мог и издеваться надо мной. Предупреждать меня о своём приходе. Интересно, какой в этом смысл? Я вдруг вспомнил, что мне о нём сказал тот неприятный человек, которого я видел после своего пробуждения в странном месте. Он говорил, что меня хотят убить, что некий маньяк хочет моей смерти. Я испуганно посмотрел на спину, которая передо мной маячила. Череп, почти невидимый в темноте, добродушно мне улыбался, приглашая в свою веселую компанию. А зачем он привёл меня сюда? Хочет, чтобы убийство было несколько необычным? Могу ли я ему доверять?

Мы шли всего несколько минут, когда он повернул. Я последовал за ним.

Где-то вдалеке, я увидел свет, который, по мере нашего продвижения вперёд, усиливался и вскоре стал настолько ярким, что появилась возможность свободно видеть всё вокруг. Каждый кирпич в стенах был виден совершенно отчетливо. Каждая капелька, повисшая на потолке и каждый след на полу были видны не хуже, чем днём. Свет фонарика затерялся в этом странном свете, который я совершенно не ожидал здесь увидеть. Этот свет казался мне живым дневным светом, пришлось вспомнить, что я нахожусь под землей на добрую сотню метров. Но я никогда не видел, чтобы лампы давали хотя бы слабое подобие такого освещения. К сожалению, я не мог видеть источник света — спина с огромным черепом загораживала его. Но чувствовал, что мы направляемся именно туда, откуда по этим подземельям распространяется странный неземной свет. Я неожиданно понял, что мне не даёт покоя в этом свете — от него нет теней, он рассеян, хотя и идет из одного источника — перед нами.

Я не успел поделиться своим открытием со спутником — коридор неожиданно расширился, превращаясь в комнату неправильной формы, больше похожую на естественную пещеру, чем на творение человеческих рук. Кирпичная кладка на стенах исчезла. Вместо кирпичей появилась странная поверхность, похожая на зеркало. Странный свет исходил именно от неё. Он лился ровным потоком со всей поверхности стены. Из комнаты было еще несколько выходов, но все они казались призрачными, нереальными, они как бы скрывались в дымке, хотя освещение было идеальным, а воздух казался совершенно прозрачным. Откуда-то доносился низкий вибрирующий гул, словно там

работали огромный механизмы, обеспечивающие подземелье странным освещением. Я прошёл на противоположный конец комнаты и поднёс руку к стене. Она абсолютно не грела. Я приближал руку до тех пор, пока не прикоснулся к стене, но моя рука не встретила сопротивления. Она прошла сквозь стену и стала такой же призрачной и туманной, как те несколько выходов, которые я раньше заметил. Я испуганно выдернул руку назад и удивленно на неё посмотрел — никаких следов. Тогда я посмотрел на своего попутчика. Он смотрел на меня совершенно равнодушно, ждал, пока я всё посмотрю и всё ощупаю, при таком освещении его лицо приобретало ужасающий трупный цвет.

— Что это? — спросил я показывая вокруг себя.

— Это наш мир, — его лицо ожило, он ухмыльнулся и с любопытством огляделся по сторонам, — недурно сделан, если не ходить туда, куда тебя ходить не просят.

— Что это? — я ничего не понял из его объяснений.

— Наш мир! С какой стороны не посмотри — всё в порядке. Но ведь всегда находятся такие места, о которых при разработке позабыли и не стали доводить их до ума.

— Что это? — устало переспросил я в очередной раз.

— Вкратце — ошибка. Недоработка в программе. Художники поленились и не стали прорисовывать всё, как надо. А может быть, просто вирус малость попортил тот мир, который нам подарили. Ничего страшного — просто некоторые кусочки нужно дорисовать.

— Как это? — я упорно отказывался понимать и принимать его объяснения. Мне казалось, что его слова — полная чушь.

— Очень просто, — он вдруг прислушался и резко сказа, — Пора уходить!

Я огляделся по сторонам и увидел, как в одном из проходов показалась странная тележка — робот. Мы выходили, когда робот неторопливо въехал в комнату и стал неторопливо закрашивать эту зеркальную поверхность, нанося на неё тот же рисунок с кирпичами, что и на стенах всего подземелья. Когда мы дошли до конца коридора, свет позади уже почти полностью погас.

— Очень скоро он доложит об увиденном своему начальству и тогда нам будет крышка. Теперь ты увидел то, что должен был увидеть и теперь ты можешь принимать решение.

Он сказал это на одном дыхании, когда мы поднимались по лестнице на поверхность. Я лез, как во сне, не в силах представить себе, что вся та реальность, которая окружает меня с детства, — иллюзорна. Я вновь и вновь хватался за скобы, но боялся, что вот-вот одна из них окажется недорисованной, сорвется под моим весом и я упаду вниз.

Мне не хотелось ни о чём говорить. Хотелось только заставить фотографа выбросить всё, что он накопил за долгие годы моего существования. Никакого смысла в этом нет: мир нарисован. Люди не реальны. Всё несущественно и запрограммировано кем-то другим…

xi

Теперь меня развязали и просто-напросто обездвижили. Я и вправду не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Мог лишь смотреть по сторонам, да пить воду из чашки, что стояла у изголовья. Интересно, что будет, когда вода закончится? Я ведь могу выпить её очень быстро. Правда потом захочется отлить, а помочь мне в этом нелегком занятии, видимо, некому. На соседней кровати лежал другой человек. Он был весьма большим — гораздо больше меня. Сейчас он смотрел на меня с сочувствием.

— Я тебя убью, — сказал он так, как мать говорит ребёнку о том, что у него высокая температура и нужно идти к врачу — озабоченно и в то же время непреклонно. Решение окончательно и обжалованию не подлежит.

— Мне говорили, что ты хочешь это сделать, — сказал я осторожно, — но я думал, что это неправда.

— Это и правда и неправда одновременно. Всё слишком сложно. Гораздо сложнее, чем ты можешь себе представить. Неужели ты думаешь, что я хочу тебя убивать?

— Не знаю. Говорят, что у тебя мания, — сказал я, чувствуя себя дураком, — говорят, что ты одержим. Может быть, это находит на тебя иногда. Именно тогда и бросаешься на меня с топором.

Я слабо улыбнулся, показывая, что мои слова не больше, чем шутка. Никогда не приходилось общаться с сумасшедшими, а тут меня вдруг кидают в психушку, да ещё и с человеком, который должен меня убить.

— Я человек интеллигентный, хотя по моему виду это и незаметно, — сказал он виновато, как бы извиняясь за свою внешность, которая напоминала поговорку: «Сила есть — ума не надо», — понимаешь, нас здесь держат для того, чтобы определить степень доверия между нами. В зависимости от результата, они будут действовать дальше.

— Какого результата? Как они будут действовать? Да кто такие эти они, в конце-то концов?

— Не знаю, — ответил он тихо, и тут же его голос изменился,

он добавил хрипло и кровожадно, — Очень скоро я тебя убью.

Видимо вид у меня после его слов был весьма забавный, потому что он добродушно расхохотался, подняв голову к потолку.

— Ты можешь вести себя нормально? — спросил я жалобно, — так, как ты ведёшь себя всегда.

— Ага, — прохрипел он злобно, — Я злой и страшный серый волк…

Тут он опять расхохотался, а я почувствовал себя окончательно запутавшимся.

Дверь открылась и в комнату просочился маленький лысый человечек. Именно просочился, а не прошёл — все его движения были такими плавными и утонченными, что он не ходил, а перетекал с места на место. Вот он стоит у входа, а вот он уже возле моей постели. Быстро, но совершенно бесшумно, и не видно никаких шагов. Просто перетёк. Его маленькие глазки беспрерывно бегали из стороны в сторону и в них светился ум, выдавший в нём гения. Причём, несомненно, злого гения! Это мне не очень понравилось, но я предпочел никак не выдавать своих чувств и смотрел на него совершенно спокойно, ожидая начала разговора.

— Здравствуйте молодой человек, — проговорил он мягким убаюкивающим голосом, — как ваше самочувствие?

— Абсолютно нормально, если не считать того, что мне не дают перемещаться. Какого черта меня здесь держат?

— Не нужно нервничать, — в его мягком голосе появились едва заметные стальные нотки, — С вами всё в порядке. Вы перенесли огромное потрясение, говорят вас пытались убить, но теперь всё хорошо.

— Тогда почему меня держат здесь?

— О, это очень сложная и запутанная история. Вы ведь вчера имели удовольствие общаться с одним из моих самых старых пациентов. Это замечательный человек во всех отношениях кроме одного.

Доктор сделал многозначительную паузу и поднял вверх палец.

— Он просто хочет вам добра!

— Я его никогда не видел.

— Видели, молодой человек. Видели в детстве, всего пару раз в жизни. Он работал акушером. Он присутствовал на ваших родах и вы ему ужасно понравились. Он вбил в себе в голову, что вы можете стать величайшим человеком на Земле.

— Может быть, он и прав, — ухмыльнулся я, мне начинал нравиться этот человек.

— Всё может быть, — согласился он легко, — а может и не быть… Главное в том, что он провёл тут некие параллели с великими людьми. Джон Леннон, к примеру. Его убили! Он одержим мыслью, что и вас убьют. Вот молодой человек, который лежит на соседней полке и мог бы стать вашим убийцей. Он умен, но он неудачник. У него не жизнь, а сплошная черная полоса — его никто не любит, все считают его огромным амбалом, а в голове — пустота. Для того, чтобы завоевать славу он вполне мог бы убить вас, а потом сказать: «Я велик тем, что убил великого человека!». И стал бы популярен, могу вас уверить. За один день он стал бы тем, кем вам нужно было бы становиться целую жизнь! Ах, это так романтично! Есть убийства из мести, из ревности, из корысти, из патриотизма, убийства ради убийства, а тут — такой случай! Убийство, ради славы, пусть даже в тюрьме, или посмертно. У нас ещё не отменили смертный приговор?

Он задумался, пытаясь вспомнить действующее законодательство, а я решил вмешаться:

— Но ведь он меня не убьет?

— Убью! — раздался ужасный вопль с соседней кровати, — Утоплю, застрелю, размажу катком по асфальту, вставлю в жопу паяльник и воткну его в розетку, возьму кухонный нож и на мотаю на него твои кишки, затрахаю до смерти, сделаю из твоего черепа….

— Молодой человек перестаньте паясничать, — доктор очнулся от своих размышлений, и посмотрел на моего соседа. На его щеках появился легкий румянец. Ответом на его слова был всё тот же добродушный хохот, — дело, еще раз повторю, не в этом молодом человеке, а в другом пациенте. Он для меня очень дорог — я с ним уже так долго работаю, что он, можно сказать, стал моим учеником. Но своё призвание ему никогда не забыть. Он всегда продолжает следить за вами, уж и не знаю, как ему это удается. И вот он возомнил, что этот молодой человек, — доктор указал на соседнюю койку, — хочет вас убить. Он, без моего ведома, решил нейтрализовать вас обоих и перетащить сюда. И я даже не знаю, что мне теперь делать.

— Отпустите меня, ведь теперь мой псевдовраг находится под наблюдением вашего одомашненного психа.

— И вы хотите, чтобы этот молодой человек всю свою жизнь провёл в этих негостеприимных стенах? — доктор покачал головой, — я не могу этого допустить.

— Ведь мой лучший пациент даст ему уйти. Вы поймите — в больнице есть много галюциногенных и психотропных средств. Этот молодой человек будет до предела накачан наркотиками и выпущен на охоту. На охоту за вами! Мой ученик попытается

спасти вас от убийства, но ведь он может и не успеть! Не каждый же раз ему будет улыбаться удача…

— Так заприте своего психа в изолятор, — заорал я, — он опасен.

— Ай-ай-ай, молодой человек. Ну зачем же так нервничать. Я могу ведь подумать, что вы сюда попали не случайно — может быть вам действительно стоит подлечиться?

— Извините, я погорячился, — сказал я, как можно спокойнее, — но ваш странный пациент вчера сделал мне весьма больно.

— Да-да, я знаю. Он уже наказан. Он пытался доказать вам, что в вас действительно стреляли. Разумеется, это не может быть правдой. Но я бы все-таки не рекомендовал вам покидать больницу, пока вы не окрепнете. К тому же я не знаю… Может быть пациент прав? — доктор перешел на доверительный шепот, склонившись к моему уху. Я, впрочем, не сомневался, что мой сосед всё слышит, — Может быть вас действительно хотят убить?

Доктор бросил быстрый взгляд в сторону моего соседа и тут же вновь внимательно посмотрел на меня.

— Я не знаю, — пришлось признаться мне, — но я ведь не великий человек.

— Это может быть всего лишь маленькой частью легенды, которая врёт, хотя вам, наверняка, суждено стать великим. Ведь вы ещё так молоды. Этот молодой человек сделал такой же вывод и вот вы под прицелом. Я думаю, что не стоит рисковать. Желаю вам приятно провести время в наших стенах, а я поспешу на суровую беседу со своим бестолковым учеником. Надо выяснить всё поподробнее.

Он раскланялся и перетек к двери, там остановился, лукаво посмотрел на палату и проговорил:

— Не скучайте.

После этого он вытек за дверь и в комнате остались только я и мой убийца, причем до сих пор не понятно правда ли это. Кому здесь можно доверять? Кто врёт, а кто говорит правду? Всё это смахивает на забавный сюрреалистичный сон, которому давно пора закончиться, но он упорно не хочет оставлять меня в покое…

— Ну, как тебе их тест на предел доверия? — с улыбкой проговорил мой сосед.

— Дегенератизм полнейший, — зло сказал я, — Меня совершенно запутали.

— Это-то как раз кажется мне совершенно логичным. Человек, который ощущает, что он запутался и ничего не понимает в происходящем, легко управляем. У него нет того рычага управления событиями, который называется доверием. Мы

можем управлять миром только в том случае, если мы доверяем ему. Если человек не входит в число тех, кому мы доверяем, то мы не осмелимся им управлять — побоимся предательства. Это, наверное, правильно. Но управлять тобой пока не собираются. Также, как и мной. Нам просто немного хотят скорректировать психику, чтобы мы удовлетворяли начальным условиям эксперимента. Это не больно и не страшно. Твоя коррекция уже понятна — ты не будешь никому доверять. А вот что будут делать со мной непонятно до сих пор.

— Какой ещё эксперимент? — спросил я вяло.

— Не знаю, — сказал он быстро. Слишком быстро для того, чтобы сказать правду.

— Ну и ладно, — как же я могу кому-либо доверять, если меня то и дело обманывают.

— Слушай, — сказал он примирительно, — ты вчера рассказывал мне про фотографии. Не хочешь подробнее объяснить, что ты хотел сказать. Я вроде бы примерно понял, но интересно услышать твою трактовку.

Это было уже что-то. Тут и у меня появилась возможность немного поговорить.

Я напряг память, вспоминая слова моего недавнего собутыльника, и начал медленно рассказывать:

— Фотографии, как бы это объяснить, больше всего это похоже на верёвки, которые удерживают нас в этой жизни. Именно они образовывают тот фундамент доверия, благодаря которому мы можем воспринимать этот мир. То, что было хотя бы раз сфотографировано, уже никогда не меняется и проживает эту жизнь таким же, как ты его увидел в момент съемки. Если бы не фотографии, мир бы никогда нельзя было увидеть — он был бы просто кучей смазанных пятен, в которых смешивалось всё, что ты видишь. А так — ты просто отбираешь из увиденного то, что тебе знакомо — остальное отфильтровывается. Иногда тебе на что-то указывают и в твоём запасе появляется ещё одна фотография. Часть фотографий со временем устаревает — их можно выбросить, они уже не дают ощущения доверия. Но большинство всё-таки неизменно проживают ровно столько же, сколько живешь ты. Вот примерно так и обстоит дело с фотографиями.

— Неплохо придумано, — сказал он, подумав некоторое время, — а ты можешь показать мне одну из своих фотографий?

Я хотел ответить ему отрицательно, как когда-то ответил подруге, но всё же решил попробовать. Итак, какая из фотографий наилучшая? Вот моя первая школьная учительница, мой бывший собутыльник, мой первый половой акт, моя первая

любовь — фотография с такой манящей задницей. Именно её я и показал, это оказалось ничуть не сложнее, чем показать обыкновенный снимок. По сути дела, так оно и было.

Он, затаив дыхание, рассматривал фотографию, а потом медленно, с расстановкой сказал:

— Ты открыл мне частичку своей душе — это безграничное доверие. Теперь… Нет, теперь я никогда не смогу тебя убить. Даже, если и буду очень этого желать, я тебя всё равно спасу.

Чувствовалось, что он потрясен. Я и сам толком не понимал почему. Но мне было приятно, что я сделал этому человеку хоть что-то хорошее. Кажется, я и вправду начал ему доверять.

Дверь в комнату распахнулась и в неё влетел коротышка доктор со своим вечным пациентом. На лице доктора сейчас были написаны гнев и ужас. От его текучести не осталось и следов. Он закричал на пациента:

— Вмешательство в ход эксперимента! Как вы могли такое допустить? Немедленно погружайте его в сон, — палец указывал в мою сторону, — он должен обо всём забыть. Ни капли доверия не должно остаться в его тупой башке.

Пациент быстро подскочил ко мне и, прежде, чем я успел что либо сделать, холодная игла вонзилась в мою кожу и я почувствовал, что отключаюсь. Доктор тем временем суетился вокруг моего соседа, пытаясь выяснить, что произошло, но тот хранил молчание. Наверное, он продолжал рассматривать фотографию…

xii

Крышка канализационного люка с грохотом отодвинулась и по глазам ударил яркий солнечный свет. Мой сопровождающий быстро выполз наружу, а я, сощурившись, вылез следом за ним. Рядом с люком стоял человек с автоматом, нацеленным в нашу сторону. Это был тот самый вечный пациент, который издевался надо мной в больнице.

— Не дергайтесь парни, а то придется вас убить, — сказал он довольным голосом человека, уверенного в своём превосходстве.

Я краем глаза увидел, как мой спутник сгруппировался для прыжка, а потом меня отбросила в сторону его сильная рука. Падая на землю, я успел заметить, как он рванулся к земле и быстро перекатился к врагу. Недостаточно быстро, подумал я, видя как дуло автомата быстро пошло вниз. Я даже толком не успел понять, что произошло. Увидел только, как руки, сжимавшие автомат, были отброшены вверх. Короткая очередь

ушла вверх, а пациент был тут же нокаутирован мощным ударом. Да, от такого он не скоро оклемается.

— Побежали, — сказал мой бывший сосед по койке.

Я кивнул, подумав о том, что бегать мне уже надоело. Я уже почти уверовал в то, что погоня, наконец-то завершилась, но, похоже, до этого было ещё далеко.

— Не плохо ты его, — сказал я восхищенно своему спутнику, поравнявшись с ним. Он явно бежал не в полную силу, хотя мне приходилось полностью выкладываться, чтобы поспевать за ним.

— Еще бы, — он улыбнулся, — вначале дали мне все рычаги управления этим миром, а теперь хотят меня уделать. Глупое решение. Теперь главное успеть.

Мы бежали к окраине города — туда, где жила моя бывшая подруга. Вот перед глазами замелькали знакомые переулки, в которых я долго блуждал, потеряв надежду выйти к людям. Он ориентировался в местном лабиринте гораздо лучше и уверенно поворачивал, не затрачивая ни секунды на размышления. Мне оставалось только следовать за ним. Дыхания уже не хватало — надо было больше заниматься спортом. Нога, которую я ушиб при падении с лестницы, напомнила о себе болью и я начал слегка хромать, теряя скорость. Мой спутник посмотрел на меня, неодобрительно покачал головой, но всё же сбавил скорость, чтобы я не отставал. Если бы он оторвался от меня и скрылся за поворотом, то я наверняка заблудился бы в этом странном месте, которое никак не походило на нормальный городской район. Очередной поворот и… Перед нами снова та же самая светящаяся дымка, которую я недавно видел в канализации. Неужели мы бежали только для того, чтобы посмотреть на ещё одну недоработку, допущенную создателями этого мира.

— Пришло время серьёзно поговорить, — мой сопровождающий резко остановился, а я по инерции пробежал ещё несколько метров, а потом развернулся к нему лицом.

— Наверное, — сказал я, тяжело дыша.

— Прежде всего, как ты, наверное, уже понял, я есть твой убийца и ангел-хранитель. Ты уже всё вспомнил?

— Да, наверное. Я помню, как показал тебе фотографию.

Он кивнул и улыбнулся. Это была счастливая улыбка ребенка, которому дали любимую игрушку. Он был до сих пор под впечатлением от моего подарка.

— Отправь её своему другу сейчас. Другой возможности может и не оказаться.

Я закрыл глаза и восстановил в памяти фотографию своего друга. Вот он — сидит в коридоре напротив своей комнаты и распивает очередную бутылку пива. Рядом с ним стоит ещё

множество бутылок, но меня нет — эта часть плёнки уже засвечена. Скоро фотографию можно будет выбросить. Я передал ему фотографию подруги и несколько секунд наблюдал его ошарашенное лицо, теперь он не забудет этот снимок до конца своих дней. Что ж, удачи ему, а у меня есть свой путь. Я открыл глаза и сказал:

— Получилось.

— Отлично, теперь у тебя нет никаких обязательств в этом мире и мы можем его покинуть.

— То есть как это — покинуть? — я попятился назад, представляя себе, как он поднимет пистолет и выстрелит мне в лоб, чтобы я ушёл из этого мира.

— Не волнуйся, — успокаивающе сказал он, поднимая раскрытые руки, — я не могу тебя убить. Ты ведь помнишь это? Без тебя твоя фотография потеряет всякий смысл. Мне не хотелось бы её лишиться.

— Тогда зачем ты её убил? — спросил я и понял, что ответ мне совершенно необязателен. Фотография осталась, по ней я всегда смогу воссоздать то, что нужно.

— Она держала тебя в этом мире. Это было тем единственным, чему ты доверял.

Убить её нужно было по двум причинам: во-первых, она нарушала ход эксперимента. Ты не должен был никому доверять.

— А во-вторых? — спросил я.

— Она не дала бы тебе уйти. Ты бы до последнего хватался за этот мир, если бы знал, что она всё ещё здесь. А мне обязательно нужно тебя отсюда увести.

— Даже если я этого не хочу? — спросил я, прищурившись.

— А ты не хочешь, — он улыбнулся, — я думаю, что тебе совершенно всё равно.

— Пожалуй ты прав. Вот только никак не могу понять, куда ты хочешь меня увести?

— Это довольно сложный вопрос. Сначала вспомни то, что ты видел под землей.

Если забыл — посмотри назад.

Я оглянулся — холодный свет безрадостно струился за спиной, придавая всему совершенно нереальный, блеклый оттенок. Теней этот свет не давал. Видимо, ему не задано никаких характеристик, поэтому он и получается рассеянным.

— Что это за мир? — спросил я, вновь поворачиваясь лицом к своему спутнику.

За то время, что я смотрел назад, он успел бесшумно приблизиться и теперь стоял от меня на расстоянии вытянутой руки. Я подавил в себе желание попятиться назад.

— Твои фотографии мне многое объяснили, — сказал он спокойно глядя мне в глаза, — я и сам задумывался раньше над тем, что мир слишком уж неизменен, но тут появился ты. Да ещё и с вещественными доказательствами статичности всего, что нас окружает. Уже в больнице мне довелось слушать множество разговоров о нас с тобой. Мы готовились для некого глобального эксперимента. Понимаешь, все, кто есть в этом мире — нереальны. Это всего лишь терабайтные массивы на сервере, поддерживающем данную модель мира.

— Реальны только мы? — удивился я.

— Да. Матрицы наших личностей были извлечены из памяти сервера, по ним были сконструированы тела и в них было залито наше сознание. Но этот мир покинуть не так просто. Местные жители никогда не смогут покинуть его, будучи в сознании. Именно для этого тебя и подстрелили, а потом твоё мёртвое тело было вынесено из мира и ты обрёл настоящее тело.

— Настоящее для того мира, где живут эти доктора?

— Да. Может быть, тот мир более реален, чем этот.

— И что ты намерен делать дальше? Оглушить меня и выкинуть из этого мира, чтобы я разобрался с теми, кто нас сюда засунул?

— Нет, есть ещё один способ. Мы теперь не обычные жители этого мира. Мы можем выйти сами, просто для этого нужно выходить в том же составе, в каком мы сюда попали. Эксперимент, который над нами ставили, предполагал, что я тебя убью — тогда я бы оказался заперт здесь навсегда. Но теперь есть шанс всё изменить. Пойдем?

— Подожди, — я чувствовал, что многого не понимаю, — в чём суть эксперимента? Почему ты должен был меня убить?

— Они хотели сделать из меня супермена. Это довольно просто в плане физических возможностей, главной задачей было изменить психику, сделать её устойчивой к любым потрясениям. Я многого не помнил, когда попал сюда. Я знал только о том, что я должен тебя убить. Но твоя фотография напоминала о том, что ты не должен умирать. Именно поэтому ты вновь и вновь оставался в живых, хотя и должен был бы умереть давным-давно, ещё во время нашей первой встречи. А я делал вид, что умираю, а потом воскресаю. Выглядело, по-моему, довольно забавно! В это время я понемногу вспоминал обо всём, что происходило со мной в той больнице.

— И что же ты вспомнил? — я насторожился, мне казалось, что за нами наблюдают. Он был совершенно спокоен.

— Они сделали меня властелином этого мира. Здесь я всесилен. Но есть одна проблема — здесь есть только один

подобным мне. И это единственное, чему я не должен доверять. Кто тебя знает? Может ты такой же сильный, как я. А может быть, ты тоже претендуешь на мировое господство. Власть не та штука, которой можно делиться. Кто-то из нас должен был умереть. Я точно не знаю, кто именно. Главное в том, что его убийце был бы нанесен ужасающий удар по психике. Во-первых — он остался один в мире недо-людей, а во-вторых — он никогда не сможет покинуть этот мир. Он самолично уничтожил ключ, который давал ему возможность открыть двери этого мира и уйти.

— Жестоко, — сказал я, — ну а дальше?

— Дальше? Они собирались изучить матрицу убийцы. Они считают, что из неё можно было бы нарезать массу кусочков, из которых можно будет составить психику сверхчеловека. Но они ошиблись. Они дали мне знание обо всём мире, в который я попал, но не позаботились о том, чтобы привести этот мир к подобию реальности. Тут очень много дыр, которые тут же навели меня на размышления. Ну и ещё твоя фотография. Тогда, я её ещё толком не помнил, но что-то мне мешало расправиться с тобой, как с маленьким мальчиком, которым ты, по сути, и был для меня. Всё это и привело к тому, что мы сейчас здесь разговариваем и я предлагаю тебе уйти из этого мира.

— Я согласен!

И в этот момент раздались выстрелы из автомата. Стреляли в спину моему спутнику. Он выгнулся вперёд под давлением пуль, но всё же развернулся, доставая при этом пистолет из кармана. Один-единственный выстрел и на улочке вновь воцарилась тишина.

«Минус один пациент», — подумал я и улыбнулся. Немного жаль доктора, у него наверняка было не так уж много пациентов.

Спрятав пистолет в карман, он подошел ко мне и взял меня за руку. Я молча кивнул и мы, не спеша, пошли к сиянию, которое было совершенном чужим. Такого никогда не должно быть в моём мире!

xiii

— Итак, что же мы имеем? Эксперимент фактически провален. Ваш ассистент умер, сраженный пулей созданного нами бога. Как вы будете это объяснять?

— Не нужно сваливать на меня всю вину. Она не столь уж велика. Конечно же, я допустил ошибку — если бы не фотография, то всё было бы гораздо проще. Но образование ангела-хранителя в психике подопытного связано не только и не

столько с этим.

— Так вы выяснили сущность этого странного спасателя? Вы обо всём знаете, но молчите?

— Да я понял, что ангел-хранитель и подопытный — одно и то же лицо. Молодой человек попал под впечатление фотографии и создал в своей психики блок, запрещающий ему убивать препятствие, каким бы правильным не казалось это решение. Но это не было бы ключевым в начале эксперимента — когда он ещё ни о чем не помнил. Если бы не ошибки, которые вы допустили, проектируя модель, то ничего страшного не случилось бы. А так вы заставили усомниться его в реальности того, что его окружало и он вместо того, чтобы решать поставленную задачу пытался понять, что с ним произошло.

— Нет, это вы во всём виноваты! Не нужно валить с больной головы на здоровую. Вы должны были докладывать обо всём, что происходило на этапе подготовки к эксперименту. Если хотя бы что-то и пошло не по плану, то это не должно было скрываться от меня. Вы и только вы будете виновны, если эксперимент будет провален.

— Ещё не поздно остановить всё. Зачем продолжать эту бессмысленную затею. Мы оба ошиблись, надо это признать и остановиться, обдумать ошибки и найти новые способы проведения эксперимента. Способы, которые позволили бы нам избежать подобных случайностей.

— Нет! Вы диверсант. Вы всё провалили, а теперь хотите идти на попятную! Не позволю! Мы стоим у порога великого открытия, а вы начинаете ныть. Это вам не сойдет с рук. Так и знайте!

— Наше открытие нас просто убьёт! Вот и вся история. Вы забываете о том, что там не обычные персонажи модели. Они могут в любой момент прийти сюда. Вы этого добиваетесь. Один из этих молодых людей — идеальный убийца. Он вряд ли рад тому, что мы поместили его в ненастоящий мир и дали миссию, которая может сломать его психику.

— Ничего не хочу слушать! Эксперимент нужно довести до конца. Я учёный и горжусь этим. Если вы боитесь, то для вас найдется место в изоляторе. Там вы не сможете мне помешать.

Мой убийца и ангел-хранитель — бывший подопытный образец — стоял за спинами этих, не доверяющих друг другу, людей и слушал их перебранку. Его лицо застыла в полуулыбке: они обсуждали его, спорили о том, что уже свершилось.

Я стоял рядом с ним и смотрел по сторонам. Мы некоторое время побродили по этой больнице и мне здесь определенно не нравилось. Везде одни и те же идеально белые стены и потолки. Как это может быть? Это что — необыкновенное стремление к

чистоте? А может быть это художник поленился нанести текстуры? Нет ни единого окна… Может быть и мир за этими стенами так же нереален и призрачен, как та дымка, которая заменяла не прорисованные места в моём мире. Боюсь мне этого никогда не узнать. Покрепче сжав в руках скальпель, найденный в одной из палат, я уверенно шагнул вперёд.